

Александр Толкачёв

Террор (Версия)

Действующие лица:

Савинков Борис Викторович в зрелом возрасте.
Савинков Борис Викторович в юности, псевдоним «Вениамин».
Комаровский Виктор Николаевич.
Каляев Иван Платонович, говорит с лёгким польским акцентом.
Азеф Евно Фишелевич, псевдоним «Валентин Кузьмич».
Покотилов Алексей.
Сазонов Егор.
Боришанский Давид, псевдоним «Абрам».
Чернышёв.

Первый акт

Картина первая

Тюремная камера. Комаровский в офицерской гимнастёрке без знаков различия и без ремня нервно ходит из угла в угол. На его лице свежая ссадина. С противным скрипом открывается дверь и входит Савинков в хорошо пошитом отглаженном костюме и белой рубашке. Дверь за ним с таким же противным скрипом сразу закрывается.

Комаровский (*останавливается, разглядывает вошедшего*). Судя по одежде, вы новенький?

Добро пожаловать в наш гостеприимный каземат, коллега!

Савинков (*осмотревшись*). С чего это вы взяли, что я вам коллега?

Комаровский. Птицу видно по полёту. Да иных сюда и не селят, товарищ.

Савинков. Есть хорошая русская поговорка, кто кому товарищ.

Комаровский. Ершистый гражданин, задиристый... Это хорошо... Не скучно будет время вместе провести. Я не обиделся, нет. Я эту поговорку хорошо знаю, только... видно, вы совсем свеженький, ещё не акклиматизировались в здешнем санатории.

Савинков (*холодно*). Угадали.

Комаровский. Оно и понятно. Ладно, хватит пикироваться, будем знакомиться или как?

Комаровский.

Комаровский протягивает руку, но Савинков её словно не видит.

Савинков. Я не привык знакомиться без рекомендации.

Комаровский. Старорежимные привычки давно пора забыть, милейший. Но, я думаю, содержание в камере ОГПУ достаточно солидный гарант моей порядочности.

Савинков (*подумав*). Два – ноль в вашу пользу, господин Комаровский. Савинков.

Комаровский. Савинков?

Савинков. Да. Борис Викторович Савинков.

Комаровский (*отдёргивает руку, словно ужаленный*). Тот самый?

Савинков. Да, тот самый. А вы ожидали увидеть здесь ещё какого-то Савинкова?

Комаровский. Премного наслышан о вас ещё в студенческие годы. Вот вы, оказывается, какой!

Савинков молча укладывается на кровать. Сразу же слышится голос надзирателя: «Встать! Лежать запрещается. Ещё раз увижу – попадёшь в штрафной изолятор». Савинков нехотя встаёт.

Савинков. Власть новая, а порядки старые... Вас что-то не устраивает в моём облике или в биографии?

Комаровский. А вы как думаете?

Савинков. Я никак не думаю.

Комаровский. Ну да, вам всегда было всё равно, что про вас думают люди.

Савинков. Откуда вы это знаете? Вы что, бывший эсер? Состояли в нашей партии? Мы были с вами знакомы раньше, и вы тоже участвовали в терроре?

Комаровский. Нет. Не был, не состоял, не участвовал.

Савинков. Хороший ответ для следователя. Надо бы запомнить.

Комаровский. Запомните, но вряд ли он вам пригодится.

Савинков. Почему?

Комаровский. Вашу кровавую биографию слишком хорошо знают в России, а в этом богоугодном заведении – тем более. Ведь здесь есть и ваши бывшие товарищи по партии. Возможно, даже ваши знакомые.

Савинков. Неужели? Откуда такие исчерпывающие сведения?

Комаровский. Встречались... за чашкой кофе. Говорили по душам.

Савинков. То-то, я вижу, у вас личико поцарапано. Лютуют братишки?

Комаровский. Смотря с кем. С вами наверняка будут обходиться интеллигентно.

Савинков. Почему это?

Комаровский. Вы же для них почти свой. Столько для революции сделали в своё время. Вас даже Ленин не раз цитировал. Ценил за оригинальность мыслей и молодость.

Савинков. Вы случайно не из агентов ОГПУ?

Комаровский. Давайте без подлых намёков. Сами об этом писали в своих книгах. Да и Ленин тоже.

Савинков. Было дело, писали; и я, и он. А вы, значит, почитывали?

Комаровский. Попадались ваши творения под именем Ропшина: «То, чего не было», «Конь бледный», ну и «Что делать?» Ленина. Et cetera, и et cetera.

Савинков. М-да!.. Думаете, мои дела после семнадцатого года не в счёт?

Комаровский. Я не особо следил за вашей биографией после революции, доходило только то, что получал из газетных сообщений. Но уже одна ваша дружба с Азефом, пост товарища военного министра во временном правительстве, не говоря уже о поддержке корниловского мятежа, дружба с Колчаком и с этими... «спасителями отечества», братьями-бандитами Булак-Булаховичами, могут быть для вас смертным приговором. Поэтому выкрутиться вам вряд ли удастся, не те времена, Борис Викторович. Не понимаю, почему вас сразу не шлёпнули, при аресте!

Савинков. Спасибо, успокоили.

Комаровский. Не стоит благодарности.

Савинков. Значит, кровавая биография, говорите?.. А что вы знаете обо мне кроме вышеперечисленного?

Комаровский. Достаточно, чтобы не подавать вам руки.

Савинков. Вона как! А вы-то кто сами будете, из каковских, простите? Да говорите, не молчите, здесь всё равно делать нечего. Правда, если боитесь, что я вас сдам следователю, то напрасно. Не в моих это правилах.

Комаровский. Мне нечего бояться. В отличие от вас я никогда и ничего не скрывал. Дворянин из мелкопоместных, окончил Петербургский университет, инженер-железнодорожник, с началом Великой войны на фронте. К семнадцатому году дослужился до штабс-капитана, потом... Потом всё завертелось... Белые, красные... Снова белые... В итоге оказался командиром полка Красной Армии.

Савинков. А здесь за что?

Комаровский. За белое прошлое... За золотые погоны... Кто-то написал рапорт по начальству, что встречаюсь с бывшими офицерами, читаем запрещённые книги и, возможно, готовим заговор против советской власти.

Савинков (*заинтересованно*). А заговор был?

Комаровский. Никакого заговора не было. Просто приходили старые друзья на чай, в том числе и нынешние командиры Красной Армии, но кому-то нужно, чтобы мы стали заговорщиками. И вот я здесь.

Савинков. Жаль, что не было заговора. Очень жаль!.. Гибнет Россия, и спасти её некому.

Комаровский. Вполне с вами согласен.

Савинков. Образованному человеку трудно с этим не согласиться. Россия как стала гибнуть, так и продолжает гибнуть, но вовсе не от революции, разрухи и голода, а от неисправимой дурости ею руководящих «умников».

Комаровский. Извечные русские напасти: дураки и дороги.

Савинков. Ну, дороги – это ваша профессия, а вот дураки... Дураки... Это мне простительно, что я попался, как кур в ошип, я-то не жил среди советских, а вот вы-то почему не остереглись, коллега?

Комаровский. Лучше расскажите, как же так случилось, что вы, один из самых непримиримых революционеров Российской Империи, вдруг стали заклятым врагом социалистической революции, ради которой пролили столько... чужой крови?

Савинков. Хороший вопрос. Хороший!... Вы знаете, я и сам много раз задавал его себе.

Комаровский. Ну и?

Савинков. Просто мы изначально были слишком наивными и романтическими людьми, и думали, что с убийством одного мерзавца другие подонки, хотя бы из страха перед нами, станут иными, и народ наконец-то осознает, кто им управляет, и поднимет восстание, но... На смену одним мерзавцам пришли другие.

Комаровский. Что вы сказали? Вы, безжалостный и хладнокровный террорист, наивный человек? Убивая, не понимали, что творили?

Савинков. Да, до конца, выходит, не понимал. И был когда-то наивным малым. Был. Впрочем, как и все мои друзья юности: Иван Каляев, Сазонов, Швейцер, Дора Бриллиант...

Картина вторая

Савинков отворачивается от Комаровского и смотрит в сторону, где высвечивается место на большом кругу. На круге фонарные столбы, большие похожие на виселицы. Круг тихо и медленно вращается, на него постоянно заходят и сходят с него люди. Все они молоды. Большинству не больше 25 лет. Там же и совсем молодой Савинков.

Азеф и Савинков.

Азеф. Здравствуйте!

Савинков. Здравствуйте!

Азеф. Азеф Евно Фишелевич, партийный псевдоним Валентин Кузьмич.

Савинков. Савинков Борис Викторович.

Азеф. Мне сказали, вы хотите работать в терроре. Почему именно в терроре? Почему не в общей работе?

Савинков. Я придаю террору решающее значение в революции, но я в полном распоряжении Центрального комитета и готов работать в любом из партийных предприятий.

Азеф. Вы ведь начинали как социал-демократ.

Савинков. Да, в 902 году я был арестован и выслан в Вологду по делу Санкт-Петербургских социал-демократических групп «Социалист» и «Рабочее знамя».

Азеф. Почему же ушли от них?

Савинков. Программа эсдеков меня давно не удовлетворяет. Она не отвечает условиям русской жизни: оставляет аграрный вопрос открытым. Мне больше импонирует террористическая борьба в традициях «Народной воли».

Азеф. Вы это твёрдо решили? Я говорю про террор.

Савинков. Да. Я считаю, что убийство Плеве – важнейшая задача момента.

Азеф. Плеве? Министра внутренних дел?

Савинков. Да.

Азеф. Это интересно. У вас есть единомышленники?

Савинков. Да. Каляев, друг детства, и ещё двое.

Азеф. Вы можете поручиться за них?

Савинков. Конечно.

Азеф. Хм!.. Ну что ж, это хорошо. Это очень хорошо... Я бы хотел как можно больше знать об этом Каляеве и о тех двоих, которых вы мне не назвали.

Савинков. Готов хоть сейчас дать всем троим исчерпывающие характеристики и рекомендации.

Азеф. Нет. К следующей встрече, пожалуйста, подготовьте подробную информацию. И готовьтесь к тому, что вскоре вам нужно будет ехать в Россию. Через недельку-другую уезжайте с товарищами куда-нибудь подальше из Женевы. Поживите где-нибудь в маленьком городке и проверьте, не следят ли за вами. Нашим общим знакомым оставьте свой адрес. Меня не ищите. В дальнейшем я буду находить вас сам. На сегодня всё. До свидания!

Савинков. До свидания!

Азеф уходит. Савинков переходит на другую сторону круга. Появляется Каляев.

Каляев. Борис, ты только послушай, что пишут во французской газете наши цековские товарищи. Вот, полюбуйся: «Ко всем гражданам цивилизованного мира».

Савинков. Что там?

Каляев. Читаю. «Вынужденная решительность наших средств борьбы не должна ни от кого заслонять истину: сильнее, чем кто бы то ни был, мы во всеуслышание порицаем, как это всегда делали наши героические предшественники, члены «Народной воли», террор как тактическую систему в свободных странах. Но в России, где деспотизм исключает всякую открытую политическую борьбу и знает только один произвол, где нет спасения от безответственной власти, самодержавной на всех ступенях бюрократической лестницы, мы вынуждены противопоставить насилию тирании силу революционного права».

Савинков. Ну и что?

Каляев. Как что? Как что?! Я не знаю, что бы я делал, если бы родился французом, англичанином, немцем. Вероятно, не делал бы бомб, вероятно, я бы вообще не занимался политикой... Но почему именно мы, партия социалистов-революционеров, то есть партия террора, должны бросить камнем в итальянских и французских террористов? Почему именно мы отрекаемся от них? К чему такая трусливая поспешность? К чему такая боязнь европейского мнения? Не мы должны бояться – нас должны уважать. Террор – сила. Не нам заявлять о нашем неуважении к ней...

Савинков. Успокойся, эта прокламация ЦК, скорее всего, чисто пропагандистский ход. Внешняя политика иногда расходится с политикой внутренней.

Каляев. Левая рука не знает, что делает правая? Так, что ли?

Савинков. Возможно. Я не член ЦК и не могу нести ответственность за принимаемые им решения.

Каляев. Тебя никто и не винит. Но такая позиция ЦК отвращает рядовых членов партии от центра. Разве ты этого не видишь?

Савинков. Надо стараться понять позицию ЦК и быть чуточку сдержаннее и мудрее. Мы с тобой – только начинающие в терроре, а там товарищи с колоссальным опытом борьбы с режимом.

Каляев. Всё это, конечно, так, но ещё Александр Михайлович Горчаков, министр иностранных дел и великий канцлер России, сказал: «Нет ничего губительнее для страны, чем апатия народа к внешней политике своего отечества». Я бы с удовольствием повторил то же самое, заменив слово «отечество» словом «ЦК», и слово «народ» – на «член партии».

Савинков. Янек, ты – анархист.

Каляев. Нет, но я верю в террор больше, чем во все парламенты в мире. Я не брошу бомбу в кафе, где сидят невинные люди, но и не мне судить террористов Европы. Они мне больше товарищи, чем те, для кого написана эта прокламация.

Савинков. Давай об этом поговорим немного позднее. Ко мне сейчас должен прийти Валентин Кузьмич, подожди, пожалуйста, в соседней комнате. Выйдешь, когда я тебя позову.

Каляев. Надеюсь, не он написал сей подлый документ?

Савинков. Сам подумай, откуда мне знать, кто и что писал от имени ЦК? А Валентин Кузьмич – авторитетнейший человек в российском терроре, я думаю, он сам возмущён прокламацией не меньше тебя.

Каляев. Хорошо, если бы это было так.

Каляев уходит, и сразу входит Азеф.

Азеф. Здравствуйтесь, Савинков!

Савинков. Здравствуйтесь, Валентин Кузьмич!

Азеф. Борис Викторович, дорогой вы мой человек, я целых две недели только тем и занимался, что думал над вашим предложением. Я очень заинтересовался покушением на Плеве, и вот что у меня созрело в голове.

Савинков. Я внимательно слушаю вас, Валентин Кузьмич.

Азеф. Плеве живёт в здании департамента полиции на Фонтанке, 16, и еженедельно ездит с докладом к царю – в Зимний дворец, в Царское село и в Петергоф, смотря по времени и по местопребыванию царя. Так как убить Плеве на дому во много раз труднее, чем на улице, предлагаю учредить за ним наблюдение. Нужно выяснить в точности день и час, маршрут и внешний вид выездов Плеве. По установлении этих данных взорвать его карету на улице бомбой.

Савинков. Простите, но как вы предполагаете организовать наблюдение, Валентин Кузьмич? Кругом охранка, шпики.

Азеф. Давайте подумаем, кто целыми днями может находиться на улице, не внушая подозрений?

Савинков. Даже не знаю, кто.

Азеф. А я знаю: газетчики, извозчики, торговцы вразнос и тому подобные личности. Нужно, чтобы кто-то один из ваших товарищей купил пролётку, лошадь и устроился в Петербурге легковым извозчиком, а другой пусть возьмёт патент на продажу вразнос табачных изделий и, продавая на улице папиросы, будет следить за Плеве. Деньги на все расходы будут поступать из партийной кассы.

Савинков. А что буду делать я?

Азеф. А вы должны собирать добываемые сведения, комбинировать их и, по возможности наблюдая сами, руководить всем наблюдением.

Савинков. Хитро! Полиция едва ли может предположить, что члены боевой организации свободно ездят по Петербургу извозчиками и торгуют вразнос.

Азеф. Я тоже так думаю. Систематическое уличное наблюдение за объектом у нас в Боевой организации применяется впервые, оно неизбежно приведёт к убийству Плеве на улице. И, если не будет провокации, Плеве однозначно будет убит. Готовьтесь ехать в Россию, юноша.

Савинков. Валентин Кузьмич, но у меня нет паспорта – свой после побега из ссылки я случайно оставил в Архангельске.

Азеф. Ничего страшного, Борис Викторович. Паспорт получите в Кракове. В Россию поедете через Берлин, в Берлине я вас лично встречу, и там ещё раз обговорим все детали покушения в подробностях.

Савинков. Хорошо. Спасибо, Валентин Кузьмич!

Азеф. Не стоит благодарности. И вот что, Борис Викторович, не стоит так часто называть меня партийным псевдонимом. Я этого не люблю. Особенно когда это делают мои друзья. Зовите меня Евно, в крайнем случае Евгением Филипповичем. Договорились?

Савинков. Договорились. А сейчас, Евгений Филиппович, можно представить вам моего друга Каляева?

Азеф (*насторожившись*). Он здесь?

Савинков. Да. В соседней комнате. Он приехал из Женевы. Я согласовал его приезд с Гоцем.

Азеф (*недовольно*). Ну что ж, согласовал так согласовал. Я всегда внимательно прислушиваюсь к мнению любого члена ЦК партии, тем более к мнению Михаила Рафаиловича. Зовите вашего друга.

Савинков (*громко*). Янек!

Входит Каляев. Он очень взволнован.

Каляев. Разрешите?

Савинков. Конечно, входите. Знакомьтесь. Каляев Иван Платонович.

Азеф (*сухо*). Валентин Кузьмич.

Каляев. Очень приятно!

Азеф. Мне Борис Викторович говорил, что вы желаете непременно участвовать в терроре, это так?

Каляев. Да. Я не вижу для себя иного пути и готов участвовать в деле Плеве. Заявляю это осознанно и готов пожертвовать жизнью ради исполнения задуманного.

Азеф (*подумав*). К сожалению, нам не нужны сейчас люди. Поживите некоторое время в Женеве, затем где-нибудь в глуши, не особо высказывая свои убеждения на людях, может быть, мы потом и вызовем вас. До свидания, молодой человек!

Каляев (*огорчённо*). Всего доброго! (*Уходит.*)

Савинков. Он не понравился вам?

Азеф (*подумав*). Нет. Но он странный какой-то... Вы его знаете хорошо?

Савинков. Мы знакомы с детства.

Азеф. Вот оно что!.. До свидания, Борис Викторович! Меня, как и договорились, не ищите. Я сам вас найду. (*Уходит.*)

Входит Каляев.

Савинков. Что ты, Янек, взгрустнул?.. Он не понравился тебе, да?

Каляев. Нет... Но, знаешь... Я не понял его и, может быть, не пойму никогда.

Савинков. Радуйся, возможно, тебя скоро вызовут в Москву на дело Плеве.

Каляев. Точно?

Савинков. Да.

Каляев. Я всё сделаю, чтобы его убить.

Савинков. Тебе, вероятно, придётся торговать на улице вразнос папиросами.
Каляев *(смеётся)*. Что ж ты думаешь, из меня выйдет плохой табачник?
Савинков. Я думаю, что ты будешь лучшим из лучших.
Каляев. Спасибо, Борис. Я этого никогда не забуду.
Савинков. Хорошо было бы, чтобы это «никогда» длилось бесконечно долго.
Каляев. Не беспокойся, я знаю, что буду жить вечно.
Савинков. Дай-то бог, Янек! Дай-то бог!

Каляев и Савинков расходятся в разные стороны. Неожиданно за спиной Савинкова появляется Чернышёв с папиросным лотком.

Чернышёв. Барин, купите «Голубку», пять копеек десяток.
Савинков. Спасибо, не надо.
Чернышёв. А вы купите, прошу вас. Всего пять копеек десяток, купите.
Савинков. Да что ты, право, пристал ко мне, голубчик!.. *(Оборачивается.)* Господи, Чернышёв, да тебя просто не узнать. Здравствуй, дружище!
Чернышёв. Здравствуйте, барин! Стараемся, Борис Викторович. Вживаемся в образ. Да я что, посмотришь на нашего извозчика – ахнешь.
Савинков. Как дело?
Чернышёв. Неважно. И полиция, и конкуренты насели. Места на улице все откуплены, и приходится спорить с теми, кто издавна занимает их. Кроме того, оказывается, торговец вразнос не имеет права стоять на месте, он должен постоянно двигаться. За этим полицейские смотрят строго.
Савинков. Понятно.
Чернышёв. А что у тебя?.. Что у нас?
Савинков. Неясность какая-то. Меня удивляет и тревожит отсутствие Азефа в Петербурге. Время идёт, а его всё нет. Я весь изнервничался. Нужно на что-то решаться. Сами мы, очевидно, не сможем подготовить покушение на Плеве, опыта мало. Вот если бы вначале мы наметили покушение на кого-то другого, это дало бы нам опыт и помогло ориентироваться в почти незнакомой технике боевого дела.
Чернышёв. Согласен, но механизм покушения уже запущен, его не остановить без решения ЦК.
Савинков. Знаешь, я предпочёл бы работать самостоятельно, хотя бы и в менее крупном деле, например, в деле киевского генерал-губернатора Клейгельса. Когда работаешь сам, всё сам же и решаешь без оглядки на Центр, зато с расчётом только на свои силы.
Чернышёв. В чём же дело?
Савинков. Всё в том же: в отсутствии опыта.
Чернышёв. Говорят, Азеф уже в России.
Савинков. Кто говорит?
Чернышёв. Сорока на хвосте принесла... Товарищи из ЦК просили передать, что Азефа задержали работы по динамитной технике. Его письма к тебе не дошли отчасти по твоей вине: ты дал неточный адрес. Я тебе, Борис Викторович, к сожалению, ничем больше помочь не могу. Надо ждать Валентина Кузьмича. Уверен, он вскоре появится.
Савинков. Сам знаю, что надо ждать, а всё равно беспокойно на душе.
Чернышёв. Мало нас. Нужны ещё люди.
Савинков. Будут люди, если Валентин Кузьмич поторопится. Я пойду. Будь осторожен, дружище. Встретимся позже.
Чернышёв. Ты тоже не рискуй понапрасну. Прощай!.. *(Отворачивается от Савинкова и громко кричит.)* «Голубка», «Голубка», всего пять копеек десяток! «Голубка», «Голубка»...

*Чернышёв и Савинков расходятся, но Савинков остаётся на сцене. Появляется
Покотилов.*

Покотилов (*Савинкову*). Я верю в террор и только в террор. Для меня вся революция в терроре. Нас мало сейчас. Вот увидите, будет много. Вот завтра, может быть, не будет меня. Я счастлив этим, я горд: завтра Плеве будет убит.

Савинков. Вижу, вам не зря дали кличку «Поэт». Вы говорите о революции и о терроре, как о девушках.

Покотилов. Да, верно. Это так и есть. Но я не могу по-иному жить. Нас вешают – и мы должны вешать. С чистыми руками, в перчатках, нельзя делать террора. Пусть погибнут тысячи и десятки тысяч – необходимо добиться победы. Крестьяне жгут усадьбы – пусть жгут. Людям есть нечего, они делают экспроприации – пусть делают. Теперь не время сентиментальничать – на войне, как на войне.

Савинков. А как же поэзия? И «милость к падшим»?

Покотилов. Ну, во-первых, капиталисты, помещики и вся эта придворная сволочь ещё не пали, а во-вторых, Пушкин в свой жестокий век всё-таки вначале восславил свободу – свободу! – а потом уж призывал милость к падшим.

Савинков. Да, вас трудно поймать на слове, Покотилов.

Покотилов. Знаете, я хотел вначале убить Богомилова. Карпович опередил меня... Потом Балмашев убил министра МВД Сипягина. Я сказал, что я больше ждать не могу, что первое покушение – мне. Приезжал в Полтаву Гершуни. Было решено: Оболенского я убью. Я и готовился к этому... Вдруг узнаю, что не я, а Качура... Качура – рабочий, ему отдали предпочтение. Он стрелял, а не я. Почему не я? Почему не мне доверили это дело? Я ждал слишком долго. Я имею на это право. Я совершенно верю в успех. Плеве будет убит. Только трудно ждать. Сколько времени я уже в Москве, храню динамит. Невозможно так жить, в постоянном ожидании. Я не могу больше ждать, поймите вы это.

Савинков. Я вас понимаю, но мы должны быть готовы ко всякого рода неожиданностям. Вот и Валентин Кузьмич приказал вам в случае неудачи ехать с динамитом в прибалтийский курорт Зегевольд и ждать дальнейших распоряжений там.

Покотилов. Неудачи не будет.

Савинков. Я тоже так думаю.

Покотилов. А Валентин Кузьмич в Петербурге?

Савинков. Нет ещё, но вскоре он приедет.

Покотилов. Это хорошо. Только быстрее бы дело сделать. Я уверен в удаче. Я уверен, что именно я, а не Боришанский или Сазонов убьют Плеве. Я настаиваю, чтобы Боришанский в случае если ему придётся бросать бомбу, бежал не в переулок, а на меня. Я своими бомбами сумею защитить и его, и себя... Стойте! (*Вглядывается в темноту улицы*). Там полиция! (*Вынимает револьвер и шагает в сторону полиции*). Уходите, я задержу их на несколько минут.

Савинков (*хватает Покотилова за руку*). Что вы делаете, Алексей? Спрячьте револьвер!

Покотилов (*помешкав, послушно прячет оружие*). Господи! Пронесло, свернули в сторону.

Савинков. Что вы делаете, Покотилов, нельзя же быть таким горячим. Сохраняйте спокойствие.

Покотилов. Постараюсь. На этот раз тревога была не для нас.

Савинков. Вот именно, не для нас. Не нужно так нервничать и не нужно торопить события.

Покотилов. Я не нервничаю, просто волнуюсь немного. Оставим этот пустяшный разговор, Борис Викторович. Вот послушайте лучше, что пишет Бальмонт.

Народ родной, ты истекаешь кровью!

О, если б у тебя нашёлся друг,
Который, наклонясь к тебе с любовью,
С тебя бы сбросил бремя страшных мук!
Но нет его...

Извините, когда я волнуюсь, я всегда читаю стихи.

Савинков. Ну и читайте их почаще, особенно когда вам хочется схватиться за револьвер.

Покотилов. Вам нравятся стихи? Вы любите поэзию?

Савинков. Как вам сказать...

Покотилов. Вот мой любимый Брюсов.

Я жить устал среди людей и в днях,
Устал от смены дум, желаний, вкусов,
От смены истин, смены рифм в стихах.
Желал бы я не быть «Валерий Брюсов».
Не пред людьми – от них уйти легко, –
Но пред собой, перед своим сознанием, –
Уже в былое цепь уходит далеко,
Которую зовут воспоминанием.

Великолепно, правда? Многие считают Брюсова ретроградом и даже мракобесом, а я его люблю. Он делает настоящую революцию в поэзии. За ним вскоре пойдут многие молодые, и наша литература расцветёт новыми гениальными творениями.

Савинков. Не знаю, может быть, вы и правы, но мне он непонятен.

Покотилов. К сожалению, гения не всегда понимают современники. А Брюсов и его окружение – гениальные поэты. О них ещё будут писать хвалебные статьи и называть светочами русской словесности.

Савинков. Эка, куда вы хватили! Мне кажется, что поэзия не в словесных выкрутасах, а в нечто ином.

Покотилов. Вы неправы. В поэзии возможно всё, если поэт честно и до конца служит делу справедливости и если у него есть настоящий талант.

Савинков. Алексей, вот что я вам скажу... Я сам поэт, но я раб дисциплины и, если партия прикажет мне убить самого себя, я выполню приказ и умру счастливым, однако я не буду, как вы, рисковать своей жизнью необдуманно и даже по большому счёту глупо.

Покотилов. Это всё от неопределённости, от нервов. Я постараюсь быть спокойным. Верьте мне.

Савинков. Я вам верю.

Покотилов. Спасибо! Однако мне пора, дорогой друг. Если всё пройдёт благополучно, у нас с вами ещё будет время поговорить о поэзии, хотя... Возможно, действительно завтра мой день. Прощайте, Савинков!

Савинков. Прощайте, Покотилов! И будьте осторожны.

Покотилов уходит и на его место приходит Сазонов.

Сазонов. Борис Викторович, вы хорошо знаете «Поэта»?

Савинков. Да, а что?

Сазонов. Какой он странный, однако!

Савинков. Чем же он странный?

Сазонов. Да он действительно скорее поэт, чем революционер.

Савинков. Разве это плохо? По-моему, в каждом деле, даже совсем незначительном и на первый взгляд пустяшном, должна быть своя изюминка, привлекающая к себе

человека, влюбляющая его в простую и порой незатейливую деятельность. Террор, к сожалению, не самое лёгкое и чистое дело, и здесь порядочному человеку нельзя обойтись без некоторой доли поэзии и романтического вдохновения. Иначе совсем невозможно заниматься убийствами, исполняя в истории роль безжалостных и кровавых палачей.

Сазонов. Возможно, вы и правы. Знаете, раньше я думал, что террор нужен, но что он не самое главное... А теперь вижу: нужна «Народная воля», нужно все силы напрячь на террор, тогда победим. Вот и «Поэт», наверное, думает так же.

Савинков. Наверное.

Сазонов. А всё-таки я считаю, что для социалиста искусство есть нечто чужое и ненужное, как всякая буржуазная роскошь.

Савинков. Поговорите об этом с самим «Поэтом». Я мало чего понимаю в искусстве, и особенно в поэзии.

Сазонов уходит. Вбегает Каляев.

Каляев (*Савинкову*). Мне не досталось снаряда. Почему Боришанский, а не я?

Савинков. Троих метальщиков довольно.

Каляев. Я не хочу рисковать меньше других.

Савинков. Успокойся, Янек, риск для всех одинаков. В случае ареста мы будем судиться вместе со всеми и по той же статье закона, наказание для всех – виселица.

Каляев. Ну да, я это помню. И всё же знаешь, Борис, я бы хотел дожить, чтобы видеть разгар нашего дела. Вот смотри – Македония. Там террор массовый, там каждый революционер – террорист. А у нас? Пять-шесть человек и обчёлся... Остальные в мирной работе. Но разве социалист-революционер может работать мирно? Ведь эсер без бомбы уже не социалист-революционер. И разве можно говорить о терроре, не участвуя в нём?.. О, я знаю: по всей России скоро разгорится пожар. Будет и у нас своя Македония. Крестьянин возьмётся за бомбы. И тогда – народный бунт, революция...

Савинков. Не горячись, Янек, остынь! Революция – дело будущего, а пока вернись к нашим делам. Без них, возможно, у России нет этого самого будущего.

Выстрел полуденной пушки в Петропавловской крепости. Каляев и Савинков вздрагивают.

Савинков. Это пушка в Петропавловской крепости. Уже полдень.

Каляев. Как медленно идёт время!

К ним подбегает взволнованный Покотилов.

Покотилов. Ничего не вышло: Боришанский убежал.

Савинков. Кто убежал?

Покотилов. Боришанский.

Савинков. Не может этого быть.

Покотилов. Я видел сам: убежал.

Покотилов быстро уходит. За ним в другую сторону уходит Каляев. Появляется Боришанский.

Савинков. Послушайте, Абрам, вы убежали?

Боришанский. Да. Я убежал.

Савинков. Какое вы имели право бежать?.. Почему вы убежали?

Боришанский. Странно... Если за вами следят, что вы будете делать?

Савинков. А за вами следили? Вы это точно знаете?

Боришанский. Если бы не следили, я бы не убежал.

Савинков. Слушайте, Абрам, товарищи могут подумать, что вы трус.

Боришанский. Я не трус. Я должен был убежать. Каждый убежал бы на моём месте... И разве нужно было, чтобы меня без пользы арестовали?

Появляется Каляев.

Каляев. Почему вы убежали, Боришанский?

Боришанский. Что бы вы сделали, если бы шпионы вас окружили?

Каляев. Я бы точно не убежал.

Савинков. Успокойтесь, товарищи! Успокойтесь! Вы поступили правильно, Абрам. Оставаться с бомбою на глазах у филеров – значит, губить и себя, и товарищей, и само дело. Нужно признать – сегодня покушение не удалось. Всем разъехаться из Петербурга, и немедленно. Немедленно! Это приказ. *(Все, кроме Савинкова, уходят.)*

Появляется Сазонов.

Савинков. Слушайте, Сазонов, почему вы не хотели отъехать от дома Плеве, когда покушение сорвалось?

Сазонов. Почему?.. Я надеялся: может быть, он опять поедет, и тогда....

Савинков. Но вы ведь знали, что этого не будет?

Сазонов. Ну конечно, знал... Стою я на своей пролётке. Бомбу на коленях держу... Жду... Знаете, ничего... Только ноги похолодели... Это я виноват.

Савинков. В чём?

Сазонов. Да вот... в неудаче.

Савинков. Успокойтесь, Сазонов, я с гораздо большим правом могу приписать эту неудачу 18 марта себе и только себе.

Появляются Покотилов, Боришанский и Каляев.

Покотилов. Валентин арестован.

Савинков. Как – арестован?

Покотилов. Я так думаю. Его нет. И давно нет. Телеграмм тоже нет. Он должен был дать телеграмму до востребования. И тишина. Что делать?

Все смотрят на Савинкова.

Савинков. Не знаю. Валентин Кузьмич – единственный опытный террорист среди нас. Но наших сил явно недостаточно, чтобы убить Плеве, это ясно. Я хочу посоветоваться с вами, друзья. Может, будет вполне разумным сперва попытаться убить кого-нибудь другого, например, Клейгельса, а уже потом перейти к покушению на Плеве? Как вы думаете? А за время подготовки к убийству Клейгельса мы сможем приобрести так необходимый нам опыт.

Каляев. Согласен.

Сазонов. Я тоже.

Покотилов. А я – нет. Мы взялись за дело Плеве, и не можем оставить его. Мы обязаны убить Плеве. Сил довольно. В крайнем случае мы взорвём департамент полиции. Я всё беру на себя.

Савинков *(Боришанскому)*. А ваше мнение?

Боришанский. Я поеду с Покотилковым.

Савинков. Хорошо. Тогда поступим так... Швейцер, Каляев и я работаем в Киеве для покушения на генерал-губернатора Клейгельса. Боришанский и Покотиллов едут в Санкт-Петербург, где вместе с Сазоновым и Мацевским попытаются убить Плеве.

Все мгновенно исчезают. Появляется в луче света Покотиллов.

Покотиллов. Люблю встречать на улице
Слепых без провожатых.
Я руку подаю им...

Покотиллов исчезает. Появляются Азеф и Савинков.

Азеф (*раздражён*). Что за ребячество, Савинков? Почему вы не остановили Покотилова? Почему?

Савинков. Мы думали, что вы арестованы. А я... Я не обладаю достаточным авторитетом руководителя организации. Мне всего 24 года. Мои знания о терроре ничтожны. У меня нет боевого опыта. Я опасаясь сделать роковую ошибку в критической ситуации.

Азеф. Ерунда! Ерунда!.. Нужно было настоять на своём. В конце концов, просто прикрикнуть – и Покотиллов был бы сейчас жив.

Савинков. Как это произошло?

Азеф. 25 марта они с Боришанским не встретили Плеве и разъехались по домам. Покотиллов вынул запалы из бомб и уехал из Петербурга в Двинск. 29 марта мы с ним случайно встретились в вагоне поезда. Когда он мне всё рассказал, что у вас здесь произошло, я попытался отговорить Покотилова от его плана, но Покотиллов был уже, что называется на взводе. Переубедить его было просто невозможно. Он весь стремился к единственной цели: к убийству Плеве... 31 марта, ночью, в гостинице «Северной», приготавливая во второй раз снаряды, он погиб от взрыва.

Савинков. Мне очень его жаль. Очень! (*Украдкой утирает слёзы.*)

Азеф. Это и есть террор, Савинков. Мы должны работать не жалея ни себя, ни врагов. Учитесь владеть собой. Вы ещё молоды, у вас всё впереди. У вас хорошие задатки руководителя боевой группы, уверяю вас.

Савинков. Спасибо за поддержку, Евгений Филиппович!

Азеф. Пожалуйста! А теперь перейдём к делу. Что вам удалось сделать за это время по Плеве? Докладывайте.

Савинков. Немного. Мы установили внешний вид выезда Плеве: вороные кони, кучер с медалями на груди, ливрейный лакей на козлах и сзади – охрана: двое сыщиков на вороном рысаке. Плюс к этому маршруты поездок.

Азеф. На сегодняшний день это уже кое-что.

Савинков. Однако динамита у нас теперь осталось только на одну бомбу. И ещё... Боевая Организация молчит со времени уфимского дела, то есть около года. С арестом Гершуни правительство считает нашу организацию разбитой. Мы решили: если в партии нет сил для центрального террора, то необходимо делать по крайней мере террор местный, как его делал Гершуни в Харькове и Уфе.

Азеф. Что вы намерены делать?

Савинков. Не знаю. Наверное, всё-таки остановимся на убийстве Клейгельса. Убить Плеве одной бомбой труднее.

Азеф. Что за ерунду вы несёте? К чему это покушение на ничтожного Клейгельса? Какое право имеете вы своею властью изменять решения Центрального комитета?

Савинков. Извините, но мы были уверены, что вы арестованы. Ничем иным мы не могли объяснить ваше отсутствие в такой важный момент, особенно после мартовской

неудачи. Мне казалось, что без вашего руководства убить Плеве невозможно. Лично я был против решения Покотилова продолжить работу с Плеве.

Азеф. За мною следили в Двинске. Я должен был уходить от шпионов, и три недели колесил по России, скрывая следы. Вы могли понять это и не торопиться с предположением о моём аресте. Кроме того, если бы я был арестован, то и тогда вы не имели права ликвидировать покушение на Плеве.

Савинков. Ни у кого из нас нет террористического опыта. У нас мало сил. Вы же это знаете прекрасно.

Азеф. Что вы говорите? Как нет сил для убийства Плеве? Смерть Покотилова расстроила наши планы? Но вы должны быть готовы ко всяким несчастьям. Вы должны быть готовы к гибели всей организации до последнего человека. Что вас смущает, Борис Викторович? Если нет людей, их нужно найти. Но бросать дело нельзя никогда. Плеве во всяком случае будет убит. Если мы его не убьём, его не убьёт никто. Ваше опрометчивое решение ослабило организацию дела на обоих направлениях. Надежды на успех в обоих покушениях нет.

Савинков. Но Клейгельс не скрываясь ездит по Киеву. Его легко убить. Мы с Каляевым знаем его в лицо.

Азеф. Я сказал – нет! Пусть Каляев едет в Петербург и велит Мацевскому и Сазонову оставаться на прежних местах, если ещё застанет их там. Швейцер изготовит новую партию динамита, а вы с Боришанским немедленно подключитесь к работе по Плеве. Кроме того, мы найдём ещё для вас людей.

Савинков. У нас слишком мало времени на перегруппировку.

Азеф. Знаю. Ну и что? Где ваше хладнокровие, Савинков? Где ваши мозги? Подключайте к работе голову. И работайте, работайте по плану.

Савинков. Я всё понял. Впредь мы будем хладнокровнее. Это я обещаю. Смерть Покотилова и неудача 18 марта нас многому научили.

Азеф. Вот и отлично! Поймите, Савинков, люди учатся на делах. Ни у кого не бывает сразу нужного опыта. Из этого, однако, не следует, что нужно делать только то, что легко. Какой смысл в покушении на Клейгельса? Убийство Клейгельса – не политическое убийство, Плеве – общеимперское. Нужно уничтожать личностей с громкими именами, с большими злодействами за плечами. А Клейгельс... Кто такой Клейгельс? Тьфу!

Азеф уходит. Появляются Сазонов и Каляев.

Савинков. Азеф предложил следующий план. Вы, Каляев, Мацевский и Дулебов, должны будете наблюдать за Плеве на улице. Каляев и ещё вновь принятый товарищ – как папиросники, Дулебов и Иосиф Мацевский – в качестве извозчиков. Я найму богатую квартиру в Петербурге, с женой – Дорой Бриллиант и прислугой; лакеем – Сазоновым и кухаркой – одной старой революционеркой – Ивановской. Цель квартиры двоякая. Во-первых, Сазонов и Ивановская будут полезны для наблюдения, и, во-вторых, мне нужно будет приобрести автомобиль, необходимый, по мнению Азефа, для нападения на Плеве. Учиться на шофёра будет Боришанский.

Сазонов. Зачем автомобиль? Мне кажется, что гораздо лучше сделать покушение пешком. Нас сейчас достаточно много, чтобы Плеве не ушёл живым при покушении. Не один, так другой или даже третий его достанут.

Савинков. Я тоже не вижу цели в приобретении автомобиля. Автомобиль наоборот может привлечь внимание полиции, но... Не будем обсуждать приказы Центра. Мы и так едва не отказались от теракта на Плеве ради Клейгельса. А это не сравнимые величины.

Каляев. Ты прав. Мы немного погорячились. Но всё можно исправить. Ещё не вечер.

Сазонов. Смерть Плеве необходима для России, для революции, для торжества социализма. Вы это понимаете, товарищи?

Каляев. Когда нужно ехать в Петербург?

Савинков. Как можно быстрее.

Сазонов и Каляев уходят, и тут же собираются вместе все члены организации, с ними появляется и Азеф.

Савинков. Дора Бриллиант просит, чтобы ей разрешили принять непосредственное участие в покушении.

Азеф. То есть она хочет быть метальщиком?

Савинков. Да.

Азеф (*Сазонову*). Егор, ваше мнение?

Сазонов. Дора такой человек, что если пойдёт, то сделает хорошо... Что же я могу иметь против? Но...

Азеф. Договаривайте.

Сазонов. Нет, ничего... Что я могу иметь против?

Азеф. А вы, Веньямин?

Савинков. Я решительно против участия Доры в покушении, хотя вполне в ней уверен.

Азеф. Мотивируйте свой отказ.

Савинков. Женщину можно выпускать на террористический акт только тогда, когда организация без этого обойтись не может.

Азеф. Я не согласен с вами... По-моему, нет оснований отказать Доре. Но если вы так хотите... Пусть будет так. Возражений нет?.. Отлично! Веньямин, вам слово.

Савинков. Чтобы не допустить повторения ошибки прошлого покушения, мы решили поставить сразу четверых метальщиков. Первый, встретив министра, пропускает его мимо себя, заградив ему дорогу назад. Второй сыграет наиболее важную роль: ему принадлежит честь первого нападения. Третий должен бросить свою бомбу только в случае неудачи второго – если Плеве будет ранен или бомба второго не разорвётся. Четвёртый, резервный, метальщик должен действовать в крайнем случае: если Плеве прорвётся через бомбы второго и третьего. И всё же есть неустрашимый риск, что метальщик промахнётся, перебросит или не добросит снаряд.

Каляев. Есть способ не промахнуться.

Азеф. Какой?

Каляев. Броситься под ноги лошадям.

Азеф. Как – броситься под ноги лошадям?

Каляев. Едет карета. Я с бомбой кидаюсь под лошадей. Или взорвётся бомба, и тогда остановка, или, если бомба не разорвётся, лошади испугаются, – значит, опять остановка. Тогда уже дело второго метальщика.

Азеф. Но ведь вас наверно взорвёт.

Каляев. Конечно.

Азеф (*не сразу*). План хорош, но я думаю, что он не нужен. Если можно добежать до лошадей, значит, можно добежать и до кареты, – значит, можно бросить бомбу и под карету или в окно. Тогда, пожалуй, справится и один.

Савинков. Первым метальщиком будет Боришанский, вторым – Сазонов, третьим – Каляев, и четвёртым – молодой рабочий-кожевник, ещё не член нашей организации. Если вдруг нас вновь постигнет неудача, все метальщики, оставшиеся в живых, отдадут свои бомбы Швейцеру, который их разрядит и сохранит. В случае удачи каждый должен утопить свою бомбу сам. Все метальщики получают точную инструкцию, где и как топить бомбы.

Азеф. Товарищи, я снова по решению ЦК партии вынужден уехать на время, всю подготовку к покушению решено поручить Борису Викторовичу Савинкову. Возражений нет?

Каляев. Нет.

Азеф. Вот и отлично. Удачи! Я вернусь через три дня.

Азеф уходит. Вместе с ним уходят Боршанский и Чернышёв.

Каляев. Меня огорчает только одно – почему не мне, а Егору первое место... Неужели Валентин думает, что я не справился бы один?

Савинков. Твоё второе место не менее, если не более ответственно, чем первое. Требуется большая отвага и хладнокровие, чтобы оценить после взрыва момент и решить, нужно ли бросать бомбу или нет.

Каляев. Да, конечно... А всё-таки... Как ты думаешь, будет удача?

Савинков. Конечно, будет.

Каляев. Только, знаешь, нужно к нам в Боевую организацию принимать людей таких, которые всё могут... Вот как Егор. Я таких людей, как он, ещё не видал... Такой любви в сердце, такой отваги, такой силы душевной... А Покотилов... Вот не дожил Алексей... Жаль! Послушай, какое счастье, если будет удача... Довольно им царствовать... Довольно... Если бы ты знал, как я ненавижу их... Но что Плеве! Нужно убить царя... Я мечтаю о терроре будущего, о его решающем значении для революции.

Каляев уходит. Появляется Азеф.

Азеф. Как вы смели уехать из Петербурга?

Савинков. Я уехал потому, что от вас не было известий. И ещё потому, что мой паспорт был установлен полицией.

Азеф. Откуда вы это узнали?

Савинков. Это нетрудно было вычислить. Ко мне в гостиницу нагло пришёл человек, которого я не знал, но который назвал мою фамилию по подложному паспорту и мой вымышленный род занятий. Сказал, что он тоже из Вильно, и стал выпытывать, какой фирмы я представитель. Откуда он всё это узнал? Ясно, что от хозяина гостиницы, ведь больше я нигде не отмечался. Столь исчерпывающие сведения о постояльцах хозяин гостиницы может давать только полиции.

Азеф. И всё-таки вы не имели права уехать.

Савинков. А вы имели право, сказав, что приедете через три дня, оставаться за границей месяц и больше?

Азеф *(помолчав)*. Я был занят за границей делами.

Савинков. Мне всё равно, чем вы там были заняты! Вы бросили нас в Петербурге, это главное.

Азеф *(помолчав)*. Ваша обязанность была ждать и следить за Плеве. Не бог весть какое опасное занятие, между прочим. Вы следили?

Савинков. Да. Но узнали не так много, к сожалению.

Азеф. Вот видите!.. Это плохо. Извольте ехать назад в Петербург. Здесь, в Москве, вам делать нечего.

Савинков. Я для этого и вернулся из Женевы, где искал вас.

Азеф. Я вам не единожды говорил, чтобы вы меня не искали, я сам вас всегда найду, а вы меня – нет. Должен заметить: вы нарушаете элементарную партийную дисциплину, и об этом я могу поставить в известность ЦК.

Савинков. Не стоит, Евгений Филиппович. Не стоит... Должен вас предупредить: я не боюсь пыток от рук врага, я боюсь элементарного унижения. И никому и никогда этого не прошу.

Азеф. Похвально. Хорошо, что предупредили. Но я не хотел вас унижить, поймите это, Борис. Дело прежде всего. И здесь я могу быть грубым и даже жестоким. Вы совершили недопустимую ошибку и её надо исправлять.

Савинков. Исправим. Больше этого не повторится.

Азеф. Надеюсь. Теперь о деле. Дулебов уже здесь, в Москве. У него с собою шесть небольших бомб македонского образца. Возьмите их у него и отдайте на хранение в несгораемый ящик в какой-нибудь банк. Пётр – это кличка Дулебова – живёт на Маросейке, в номерах, зайдите завтра к нему.

Савинков. Хорошо.

Азеф. Купили автомобиль?

Савинков. Нет.

Азеф. Почему?

Савинков. Не стоит тратить несколько тысяч на то, без чего мы можем обойтись.

Азеф. А всё-таки вы должны были купить, хотя... Всё, что ни делается, делается к лучшему. Боришанский не смог ничему научиться. Шофёр из него не получился.

Савинков. Ну и слава богу! Как видите, идея с автомобилем оказалась ложной.

Азеф. Благодарите Боришанского. Как всё же идёт работа?

Савинков. Пока всё отлично. Тьфу, тьфу, тьфу!.. Мацеевский, Дулебов и Каляев постоянно встречаются на улице Плева. Они его карету за сто шагов могут отличить. Даже мы с Ивановской и Дорой вели наблюдение. Особенно это хорошо получается у Каляева. Он даже знает в лицо министерских филеров и безошибочно отличает их в толпе зевак. В общем, мы решили, что легче всего убить Плева в четверг, по дороге с Аптекарского острова на Царскосельский вокзал.

Азеф. Хорошо. Я очень доволен.

Савинков. Сазонову нужно срочно съездить на родину.

Азеф. Зачем?

Савинков. По семейным делам. Чисто личное дело.

Азеф. Решайте сами, вы ведь старший среди них. Учитесь принимать решения самостоятельно, Борис Викторович. Это вам пригодится в будущем.

Савинков. Ловлю на слове и предлагаю немедленно приступить к покушению.

Азеф. Нет, это невозможно. Сведений о Плева собрано слишком мало. Маршруты почти неизвестны. Легко ошибиться.

Савинков. Можно устроить покушение на Фонтанке, у самого дома Плева. Риск ошибки будет минимален.

Азеф. Нет, такое выступление будет слишком опасным: у дома Плева наиболее многочисленная охрана. А если будет неудача, дело в лучшем случае будет отложено на долгое время.

Савинков. Давайте разберёмся по порядку. Во-первых, выезд Плева нам давно известен, значит, нам нечего больше ждать, ибо мы никогда не узнаем более того, что нам известно теперь. Во-вторых, исходя из первого, маршрут поездки нам знать не обязательно, если возможно устроить покушение у самых ворот дома Плева.

Азеф. Неудача может погубить всё дело.

Савинков. Я настаиваю. Я уверен в успехе.

Азеф. Хорошо, если вы так хотите, попробуем счастья. Но учтите – под вашу персональную ответственность.

Савинков. Согласен.

Азеф. У вас, насколько я понимаю, теперь всё нормально в подготовке организации покушения и вопросов ко мне больше нет.

Савинков. Теперь нет.

Азеф. Отлично! После покушения всем собраться в Вильно. Я вас буду ждать там.

Азеф уходит. Собираются все члены Боевой организации после вновь не удавшегося покушения. Все взволнованы и раздражены.

Савинков. Наша очередная неудача произошла по понятным причинам: из-за путаницы, почти неизбежной при лихорадочной мобилизации в очень короткий срок такого большого числа метальщиков. Кто-то опоздал, кто-то не там встал, кто-то просто не дошёл нескольких метров до нужной точки встречи... Не нужно делать из этого трагедию. Не нужно раскисать. Всё поправимо, всё ещё возможно исправить, если мы соберёмся в кулак и учтём все наши глупейшие ошибки.

Боришанский. У нас нет ни одного человека с бородой. Неудивительно, что у нас одни неудачи.

Савинков. Что вы хотите этим сказать?

Боришанский. Я говорю: мы все молодые люди, и мы не умеем делать серьёзные дела.

Каляев. А кто виноват?

Боришанский. Кто? Разве я знаю, кто?

Каляев. Вы. Вы и виноваты. Если бы вы с Сикорским не ушли, дождались бы Швейцера, то не я один бы получил снаряд, а было бы нас трое, и тогда бы мы и без Сазонова могли убить Плеве.

Боришанский. Я не мог дольше ждать. Я ждал столько, сколько мне было сказано. Зачем опоздал Швейцер?

Савинков. Хватит ругаться! Ещё раз повторяю: из каждой неудачи нужно уметь делать правильные выводы, чётко выявлять ошибки и не повторять их вновь. Ясно?

Каляев. Ясно.

Савинков. Сазонов, Каляев, Боришанский и Сикорский едут в Вильно к Валентину Кузьмичу и расскажут ему о нашей неудаче всю правду. Повторяю: всю правду. Я и Швейцер остаёмся в Петербурге. Покушение повторим 15 июня. У меня всё. До встречи!

Все уходят.

Савинков. Егор, задержитесь.

Сазонов. Что-то случилось?

Савинков. Нет, просто хочу спросить... Вот вы пойдёте и, наверно, не вернётесь... Скажите, как вы думаете, что будем мы чувствовать после... после убийства?

Сазонов. Гордость и радость.

Савинков. Только?

Сазонов. Конечно, только... Хотя, если говорить правду, сознание греха никогда не покидает меня.

Савинков. Я вас понимаю.

Сазонов. И ещё... Я боюсь за Сикорского.

Савинков. Чего вы боитесь?

Сазонов. Я боюсь, что он не сумеет утопить бомбу. Какой-то он... не такой.

Савинков. Какой – не такой?

Сазонов. Без стержня. Новенький он, этим всё сказано.

Савинков. Как же быть?

Сазонов. По-моему, никак.

Савинков. А если его арестуют?

Сазонов. Что же делать? Не можем же мы из-за него одного рисковать многими? Если будет успех, оставшиеся метальщики должны тотчас же уехать из Петербурга, а не ждать передачи бомб.

Савинков. А Сикорский знает, где топить?
Сазонов. Не только знает, но я даже просил Боришанского показать ему место.
Савинков. Ну, значит, утопит. А вы уверены в удаче?
Сазонов. Конечно. Я знаю, Плеве будет убит.
Савинков. Знаете?
Сазонов (*смеётся*). Знаю. Мне пора. Прощайте!
Савинков. Удачи!

Звучит взрыв. Крики: «Убили министра, убили! Убили!..», и сразу – луч света, в котором находится Сазонов.

Сазонов. Дорогие братья-товарищи! Моя драма закончилась. Не знаю, до конца ли верно выдержал я свою роль, за доверие которой мне я приношу вам мою величайшую благодарность. Вы дали мне возможность испытать нравственное удовлетворение, с которым ничто в мире не сравнимо... Я совсем не ждал, что со мною не покончат. И моему приговору – каторжные работы без срока – я не радуюсь: что за радость быть пленником русского правительства? Будем верить, что это ненадолго. Будем верить, что скоро прекратится печальная необходимость бороться путём террора, и мы завоюем возможность работать на пользу наших социалистических идеалов при условиях, более соответствующих силам человека. Да здравствует Боевая организация, долой самодержавие! Прощайте! Ваш Егор.

Картина третья

Камера. Савинков и Комаровский.

Савинков. Сикорский, как и предполагал Сазонов, не справился со своей задачей: не смог утопить снаряд там, где ему указали, и был арестован. Сазонов, бросивший бомбу в Плеве, был ранен. Впоследствии оба они оказались на каторге. Сикорский на 20 лет, Сазонов бессрочно.
Комаровский. Легко отделались.
Савинков. Да, легко. Правительство меняло тактику и решило не волновать общество смертными приговорами. Но это был лишь короткий период.
Комаровский. Я это хорошо помню.

Картина четвёртая

Появляются Савинков и Каляев.

Савинков. Ты плохо выглядишь, Янек. Может, тебя заменить кем-нибудь из товарищей или подстраховать вторым метальщиком?
Каляев. Ни в коем случае! Действительно я очень устал... устал нервами. Но это ничего не значит. Ты знаешь, я думаю, я не могу больше так жить... Но какое счастье, если мы победим! Если будет убит Сергей... Я жду этого часа, этой минуты и даже секунды... Подумай: 15 июля, 9 января, затем два значимых акта подряд. Это уже революция. Мне жаль, что я не увижу её... Я буду спокоен только тогда, когда Сергей будет убит. Если бы с нами был Егор... Как ты думаешь, узнает Егор, узнает Гершуни? Узнают ли в Шлиссельбурге?.. Ведь для меня нет прошлого – всё настоящее. Разве Алексей умер? Разве Егор в Шлиссельбурге? Они с нами живут. Разве ты не чувствуешь их? А если неудача? Знаешь что? По-моему тогда по-японски...
Савинков. Что – по-японски?
Каляев. Японцы на войне не сдавались...
Савинков. Ну?

Каляев. Они делали себе харакири.

Савинков. Выбрось плохие мысли из головы.

Каляев. Сегодня мне хочется только тихо сверкающего неба, немножко тепла и безотчётной хотя бы радости изголодавшейся душе... *(Молится короткой молитвой и крестится.)* Господи, спаси и благослови раба твоего... Неужели ты мне не веришь, Борис? Не надо другого метальщика, я справлюсь. Прошу тебя...

Савинков. Послушай, Янек, двое всё-таки лучше, чем один... Представь себе твою неудачу, что тогда делать?

Каляев. Неудачи у меня быть не может. Если великий князь поедет, я убью его. Будь спокоен.

Савинков. Ну что ж... Время, Янек!

Каляев. Пора?

Савинков. Конечно, пора... *(Каляев обнимает и целует Савинкова.)* Иди... *(Каляев делает несколько шагов.)* Янек...

Каляев *(оборачивается)*. Что?

Савинков. Прощай, Янек!.. Иди.

Каляев торопливо уходит, прижимая к груди снаряд. Через мгновение слышен взрыв, шум, крики: «Великого князя Сергея убило!.. Голову оторвало!». Голос Каляева: «Долой проклятого царя! Да здравствует свобода!». Голоса: «Да заткните ему глотку!», «Смотрите, нет ли револьвера. Ах, слава богу, и как это меня не убило, ведь мы были тут же...».

Камера, в ней Каляев. Каляев в луче света.

Каляев. Против всех моих забот я остался жив. Я бросал на расстоянии четырёх шагов, не более, с разбега, в упор... Мои убеждения и моё отношение к царствующему дому остаются неизменными, и я ничего общего не имею какой-либо стороной моего «я» с религиозным суеверием рабов и их лицемерных владык. Я сделал то, что сделал. И я – в пределах моего личного самочувствия – счастлив сознанием, что выполнил долг, лежащий на всей истекающей кровью России. Вы знаете мои убеждения и силу моих чувств, и пусть никто не скорбит о моей смерти. Умереть за убеждения – значит звать на борьбу, и каких бы жертв ни стоила ликвидация самодержавия, я твёрдо уверен, что наше поколение покончит с ним навсегда... Это будет великим торжеством социализма, когда перед русским народом откроется простор новой жизни.

Скрип открываемой двери камеры.

Голос. К вам священник.

Каляев. Я не звал его.

Голос. Он уже здесь.

Каляев. Я же сказал вам, я совершенно покончил с жизнью и приготовил себя к смерти.

Голос. Но церковный обряд...

Каляев. Я верю в Бога, в обряды – нет.

Голос. Ваше право.

Дверь со скрипом закрывается. Камера и Каляев исчезают. Появляется молодой Савинков.

Савинков. Когда победим, я поставлю памятник Ване Каляеву и другим принявшим смерть за свой слепой террор. Я такой поставлю памятник, что его будут видеть из

Финляндии, а любоваться им и думать у его подножия будут ездить люди со всего света...

Появляется мрачный Азеф.

Савинков. Что с тобой, Евно?

Азеф. Я устал, я чертовски устал. Я боюсь, что не смогу больше работать. Подумай сам, со времени Гершуни, основателя нашей боевой группы, я всё в терроре. Я имею право на отдых или нет? Я почему-то убеждён, что ничего на этот раз у нас не выйдет... Опять извозчики, папиросники, наружное наблюдение... Всё это полнейший вздор!.. Всё, с меня хватит! Я решил: я уйду от работы. Моисеенко и ты великолепно справитесь без меня.

Савинков. Если устал, то, конечно, уйди. Но ты знаешь – мы без тебя работать не будем.

Азеф. Почему?

Савинков. Мы не в силах взять без тебя ответственность за центральный террор. Ты – глава Боевой организации, назначенный Центральным Комитетом, и ещё неизвестно, согласятся ли отдельные товарищи работать под нашим руководством, даже если бы мы и приняли твоё предложение.

Азеф (*после длительной паузы*). Конечно, в твоих словах есть доля истины... Хорошо, будь по-вашему. Но знай моё мнение – ничего из нашей работы не выйдет. Не выйдет!

Савинков. У нас с Моисеенко есть предложение на перспективу. Мы предлагаем все силы сосредоточить на Петербурге. Нужно разделить на две самостоятельные группы, которые будут связаны только с тобой. Должна быть группа извозчиков – Трегубов, Павлов, Гоц – и смешанная группа из извозчиков, газетчиков и торговцев папиросами. Работаем на Дурново и Дубасова. Одновременно прорабатываем возможность убийства адмирала Чухнина, усмирившего восстание на крейсере «Очаков», генерала Мина и полковника Римана, офицеров лейб-гвардии Семёновского полка, виновных в расстреле рабочих 9 января в Петербурге.

Азеф (*задумался*). Предложение интересное.

Савинков. Я рад, что оно тебе понравилось.

Азеф (*энергично*). К чёрту комплименты, Борис, я не барышня. Дело прежде всего, дело... Мне стало известно, что в конце февраля Дубасов уехал в Петербург. Предлагаю на обратном пути в Москве встретить его.

Савинков. Кто будет готовить бомбы?

Азеф. Поезжай в Териоки. Там ты найдёшь Валентину Колосову-Попову. Предложи ей поехать с тобою в Москву. Она приготовит бомбы.

Савинков. Но она же больна. Её легко могут заменить Рашель Лурье или Беневская.

Азеф (*жёстко*). Поедешь и привезёшь Валентину.

Савинков. Повторяю, она больна. Её болезненное состояние может отразиться на её работе. А это провал. Беременная женщина не вполне может отвечать за себя в таком опасном деле.

Азеф. Русские бабы рожают прямо в поле, прикажешь им не работать?

Савинков. Я не могу мириться с опасностью для жизни не только матери, но и её ребёнка.

Азеф. Какой вздор!.. Нам дела нет, здорова Валентина или больна. Раз она приняла на себя ответственность, мы должны верить ей. Она сможет.

Савинков. Одного её желания недостаточно. Мы, руководители, отвечаем за каждую деталь общего плана, и на нас лежит обязанность сообразоваться не только с готовностью члена организации, но и с прямыми интересами дела.

Азеф. Но я знаю Валентину, она приготовит снаряды, и не о чем толковать.

Савинков. И я не сомневаюсь в её знаниях, преданности и самоотверженности. Но я не могу согласиться, чтобы в одной организации со мной, с моего вехода и

одобрения, беременная женщина подвергалась крупному риску. Я не поеду в Москву, если Поповой будет предложено приготовление снарядов.

Азеф. Это сентиментальность. Поезжай в Москву. Теперь поздно что-либо менять.

Савинков. Послушай, Евно, я не только не поеду в Москву, но даже выйду из организации, если не примешь моего условия.

Азеф. Вот как!.. Хорошо! Вместо Поповой в Москву поедет Рашель Лурье. Доволен?

Савинков. Извини, друг, я привык к любой мелочи, к любой возможной оплошности быть готовым и пытаться устранить её ещё до наступления роковых последствий. А тебе, и правда, неплохо бы отдохнуть где-нибудь на юге.

Азеф. После удачного дела предлагаю вместе пуститься в развратный загул где-нибудь подальше от России-матушки.

Савинков. Согласен, если удача будет сопутствовать нам.

Азеф. Договорились.

Азеф и Савинков расходятся в разные стороны.

Слышится голос газетчика:

«Покупайте «Новое время», покупайте «Новое время»! Шайка злоумышленников готовила покушение на московского генерал-губернатора адмирала Дубасова. Приготовления вовремя раскрыты полицией, члены шайки скрылись. Покупайте «Новое время», покупайте «Новое время»!

Азеф и Савинков снова сходятся на круге.

Савинков. Я же тебя предупреждал, я же тебе говорил, что за нами в Москве всё время следили. А ты – «показалось, померещилось»... Вот и показалось, вот и померещилось! Я совершенно правильно сделал, что свернул дело.

Азеф. Ну, значит, верно предполагал. Чего горячиться-то? У каждого может быть осечка. Пережди несколько дней и поезжай обратно в Москву. Дело нужно закончить.

Савинков. Ты что? Ты понимаешь, что говоришь? Посылать меня снова в Москву – значит подвергнуть напрасному риску всю московскую организацию. Если возможно, то нужно меня заменить на того, кто меньше меня бывал в Москве.

Азеф. Кого предлагаешь послать?

Савинков. Да хотя бы тебя. Ты же ни разу не был в Москве по нашим делам, там шпики тебя не знают. Будет целесообразнее, если поедешь ты.

Азеф. Нет, поезжай ты. К тебе привыкли товарищи, и ты знаешь их. Ты там будешь более полезен, чем я.

Савинков. Пойми, Евно, нужно поменять всю группу, кроме братьев Вноровских и Шиллерова. Они знают Дубасова в лицо. Наше возвращение – это провал покушения.

Азеф. Ну хорошо. Если дело обстоит так, я поеду в Москву.

Савинков. Будет лучше всего, если новая группа поселится где-нибудь в Замоскворечье. Мы там вообще редко появлялись, нас там не знают.

Азеф. Да, пусть наймут квартиры по соседству, а потом уже и я приеду. Кстати, сейчас Дубасов в Петербурге. На вокзале, по пути в Москву, его мог бы встретить твой стойкий боевик Вноровский.

Савинков. Я против.

Азеф. Почему?

Савинков. А вдруг в вагоне будет много посторонних людей? Пострадают невинные люди.

Азеф. Ерунда! Я настаиваю на своём решении. Теперь ты должен со мною согласиться и уступить. Ты меня понял, Борис?

Савинков. Хорошо, согласен. В случае неудачи бомбу разрядит Беневская в Москве.
Азеф. Вот видишь, как всё просто решается. Учти, за мной ужин с девочками на Средиземном море.

Савинков и Азеф расходятся, гаснет свет и звучит негромкий взрыв. Азеф и Савинков вновь сходятся на кругу.

Савинков. Только что встречался с Шиллеровым. Беневская, разряжая бомбу, принесённую Вноровским, сломала запальную трубку.

Азеф. Ну и?

Савинков. Запал взорвался у неё в руках. Она потеряла всю кисть левой руки и несколько пальцев правой. Вся в крови нашла в себе силы, когда вернулся Шиллеров, выйти с ним из дому и, не теряя сознания, доехать до больницы. Шиллеров на квартиру не вернулся.

Азеф. Я всегда считал, что женщины сильнее мужчин.

Савинков. Что будем делать, Евно?

Азеф. Что-что? Продолжать подготовку к покушению на Дубасова. Жаль, что загул на море откладывается. Ты бы только знал, Борис, как мне надоела эта... бесконечная русская зима!

Картина пятая

Камера. Савинков и Комаровский.

Комаровский. Так почему же вы стали контрреволюционером?

Савинков. Я им никогда не был. Вы принимаете меня за кого-то другого.

Комаровский. Но как же в таком случае...

Савинков. Дело в том, что понятие «контрреволюция» определяется наукой как переворот, уничтожающий насильственным способом порядок, установленный революцией. Исходя из этого, совершенно точно и обоснованно можно считать следующее: первое – февральский переворот в 1917 году был революцией; второе – октябрьский переворот того же года был уже контрреволюцией. Все механизмы российского государства, послушные воле своего последнего императора, приняли февральскую революцию безоговорочно, присягнули Временному правительству и продолжали честно служить России. Старшие вожди и начальники армии, флота и казачества лишь тогда возвысили свои голоса, когда на фоне февральской революции стали ясно вырисовываться уродливые формы в жизни русского воинства, приведшие к разложению боевого фронта, закончившиеся позором для Родины.

Комаровский. Но есть и другое мнение.

Савинков. Какое? Корнилов лишь тогда поднял руку на верховную власть, когда стало явно видно, что глава правительства Керенский сошёлся в тесной связи с руководителями коммунистических групп. К финалу своей деятельности тайно и обманым способом освобождая их из-под ареста, что подтверждает мою мысль.

Комаровский. А разве было такое?

Савинков. Вы забыли, что в конце августа были арестованы прославленные русские генералы во главе с Корниловым и посажены в Быховский каземат. А 4 сентября, меньше, чем через неделю, был освобождён из тюрьмы Лев Троцкий – главная действующая сила октябрьского переворота.

Комаровский. Кто тогда был Троцкий?

Савинков. Согласен, никто. Но те, кто его выпускал, наверняка знали, кем он станет. И вот когда обнаружилось, что Временное правительство действует в полном согласии с планами германского штаба, ведя таким образом Россию к гибели,

возник так называемый «корниловский мятеж». Корниловское выступление не может рассматриваться как контрреволюция, ибо его удар был нанесён не на февральскую революцию, а на Временное Правительство. И нельзя таких, как я, и других корниловцев называть контрреволюционерами. Мы выступили против большевиков и немцев, против предателей во Временном правительстве, но за дело Февральской революции.

Комаровский. А как же ваш портфель товарища министра у Керенского?

Савинков. Моё участие в работе Временного Правительства не шло вразрез с моими убеждениями.

Комаровский. И всё же этот паяц Керенский, с его претензией на корону русского Буонапарте...

Савинков. Вы правы, фигура Керенского не вызывает симпатий. Но сейчас не о нём. Мне противна любая тирания. Возвращаясь к так называемым «контрикам», должен сказать, что вожди и начальники Белой Армии не шли против февральской революции, и никогда и никому из своих подчинённых не приказывали идти таковым путём. Мы вступили в борьбу только с теми, кто свергнул революционные порядки насильственным способом, кого жизнь и наука считают подлинными контрреволюционерами. Имя им – Советы и их друзья.

Комаровский. Вы анархист?

Савинков. Нет. Я противник насилия власти над незащищёнными людьми.

Комаровский. Но вы же дружили с Колчаком, а уж он-то не церемонился с народом. Он был настоящий военный диктатор.

Савинков. Это всё красная пропаганда. Все драконовские законы сибиряков были состряпаны омским правительством ещё задолго до него. К сожалению, Александр Васильевич не успел сделать многое из задуманного. Жаль, очень жаль!

Комаровский. Вы уверены в этом?

Савинков. Я уже мало в чём уверен в этой жизни. И вообще, Комаровский, почему вас так интересует моя личность? Я был всегда на виду, даже находясь в подполье. Каждый, кто хотел и хочет, мог и может узнать обо мне больше, чем о каком-либо другом русском революционере. Я и сам о себе многое написал в своих книгах. Что вам-то от меня нужно?

Комаровский. Ничего. Вы так ярко прожили свою жизнь... словно ослепительная комета, пролетели мимо моей ничтожной личности, поневоле хочется знать о вас больше.

Савинков. Комета? Увы! Метафоры, мифы, гипотезы не есть метод исследования человеческих душ. Мы гораздо сложнее, чем даже сами себе кажемся, что уж говорить о посторонних, случайных свидетелях нашего существования в этом мире? Живите своей жизнью и думайте, что она есть единственная планета во Вселенной, и других нет вовсе; ни комет, ни астероидов. Это если сравнивать наши с вами жизни и судьбы по космической терминологии, предложенной вами.

Комаровский. Вы странный человек, Савинков. Жестокий и романтический одновременно. А может быть, вам всё-таки всегда не хватало власти? Может быть, вы сами хотели стать тираном, против которого боролись всю свою жизнь, только благородным, добрым, умным тираном.

Савинков. Добрый тиран?.. Хм!.. А вы тоже не лишены романтической наивности, господин штабс-капитан. Хотя, впрочем, многие наши образованные люди – самые настоящие романтики.

Комаровский. А великие тираны – поэты.

Савинков. Кстати, вы не знаете, кто-нибудь из ваших нынешних крупных политиков писал стихи в юности?

Комаровский. Кто из пылких революционно настроенных юношей не писал стихов?

Савинков. Да, писали многие, но не было ли среди них хороших поэтов?

Комаровский. Кажется, Сталин подавал большие надежды.

Савинков. Я так и думал.

Комаровский. Вы на что намекаете?

Савинков. Нет, ни на что. Видимо, век девятнадцатый был насквозь пропитан этим сладким ядом возвышенного служения людям. Мы все витали в облаках, лишь некоторые твёрдо знали, что им нужно делать, и последовательно делали своё... земное дело. Шаг за шагом, шаг за шагом...

Комаровский. Вы имеете в виду...

Савинков. Я никого и ничего не имею в виду. Что было, то было. Сейчас не время для осуждения, а время осмысления прошлого. Что вам грозит?

Комаровский. Мы с вами в одной лодке. Разница лишь в том, что мне ещё не вынесен смертный приговор, а вам его... отсрочили.

Савинков. Можно сказать и так, но... я уже официально получил свои 10 лет вместо расстрела.

Комаровский. Так точно.

Савинков. Странно, почему же тогда нас поместили вместе?

Комаровский. Скорее всего, по ошибке.

Савинков. Нет, у этих людей ошибок не бывает. Они, как в шахматах, рассчитывают свои поступки на много ходов вперёд... Как бы там ни было, я рад, что мы с вами встретились. Именно с вами.

Савинков протягивает руку Комаровскому.

Комаровский. Я тоже.

Комаровский жмёт руку Савинкову. Со скрипом открывается дверь, голос конвойного: «Товарищ Комаровский! Вас срочно вызывают к товарищу Менжинскому».

Савинков (*улыбается*). Товарищ?

Комаровский (*смущённо*). Да, товарищ.

Савинков отступает от Комаровского на пару шагов, вынимает носовой платок, тщательно вытирает им правую руку и бросает платок в угол камеры.

Комаровский (*поморщившись*). Хм!.. Он здесь новенький, как и вы. Видите, здесь тоже иногда ошибаются. Но ничего, обломаем и его, как всех. (*Громко.*) Иду, болван! Прощайте, Савинков.

Комаровский идёт к дверям.

Савинков. Прощайте, Виктор Николаевич! Но я почему-то уверен, что мы с вами ещё увидимся. Так что до свидания.

Комаровский останавливается.

Комаровский. Откуда вы знаете, как меня зовут? Я, кажется, не представлялся по имени и отчеству.

Савинков. Я много чего знаю. Разве нужно всё рассказывать следователю по особо важным делам ОГПУ при первом же неординарном допросе после вынесения приговора?

Комаровский. Теперь в вашу пользу два – ноль. С вами будет интересно работать, Савинков.

Савинков. Только учтите, Комаровский, тираны всегда уничтожают своих лучших слуг. Не окажитесь в конце концов в этой камере настоящим смертником и

заговорщиком. Возможно, даже по моему делу, ввиду открывшихся новых обстоятельств. Ведь антисоветские заговоры – моя стихия. До свидания, коллега!

Комаровский молча уходит. Скрипит и громко хлопает дверь камеры.

Второй акт

Картина первая

Кабинет следователя Комаровского. В комнате большое, почти до самого пола, окно. У окна стол и стулья. За столом сидит Комаровский. В кабинет входит Савинков.

Комаровский (*встаёт из-за стола и проходит навстречу Савинкову*). День добрый! Проходите, садитесь, Борис Викторович.

Савинков продолжает стоять.

Савинков. Кажется, сейчас уже ночь.

Комаровский. Это вам кажется. Для нас что день, что ночь – всегда работа.

Савинков. Вы это называете работой?

Комаровский. А вы свою деятельность как называете?

Савинков. Я революционер, и делал то, что мне приказывали моя партия и моя совесть.

Комаровский. Революционер!.. Сколько же на вашей совести невинно загубленных жизней, сколько поломанных судеб... и у вас, и у вашей партии.

Савинков. Давайте не будем заниматься арифметической эквилибристикой. Гражданская война всех умыла кровью в равной степени.

Комаровский. Я так не считаю, ну да бог с вами. Чай, кофе?

Савинков. Чай.

Комаровский (*проходит на своё место за столом, садится*). Что же вы стоите? Присаживайтесь. У нас с вами будет непростая и долгая... товарищеская беседа. Или мне попросить конвоира, чтобы он помог вам?

Савинков. Премного благодарен, я ещё сам способен двигаться. (*Савинков садится напротив следователя.*) А где же обещанный чай?

Комаровский. Сейчас будет. Итак, продолжим наш разговор. Мне нужно кое-что уточнить в вашем деле.

Савинков. Уточняйте. По-товарищески.

Комаровский. Для начала поговорим о вашем пребывании в Омске в восемнадцатом году.

Савинков. Интересно, что там криминального вы накопили?

Комаровский. Вот что написал о вас в своём дневнике один из руководителей омских мятежников, главковерх Директории генерал Болдырев. (*Открывает папку и достаёт оттуда стандартный лист бумаги.*) «12 октября 1918 года был Савинков. Командируется во Францию для широкой информации за границей и для поддержки там интересов правительства. Авксентьев и Зинзинов очень довольны, так как Савинков всё же будирующий элемент, а мы и без того как в петле». Что вы на это скажете?

Савинков. Ничего нового вы не открыли. Просто меня хотели вышвырнуть подальше от столицы Сибири. Слишком я был для них неудобен.

Комаровский. Только интересно – чем?

Савинков. Мало ли чем я могу не нравиться людям? Вот вам, например.

Комаровский. А может, всё гораздо проще, Борис Викторович? Ведь далее генерал Болдырев пишет следующее. У него перед этим состоялась встреча с английским генералом Ноксом. (*Читает.*) «Нокс осторожно спросил, какого я мнения

- относительно кандидатуры Савинкова в министры иностранных дел. Я ответил отрицательно».
- Савинков. Ничего иного я от него и не ожидал. Они – эти бывшие царские сатрапы – они все видели во мне только радикального революционера, и боялись меня.
- Комаровский. Кто за вами в то время стоял? Кто проталкивал вашу кандидатуру?
- Савинков. Откуда я знаю? Там была такая чехарда, такой хаос!.. Нужен был толковый деловой человек со связями, вот кто-то и вспомнил обо мне.
- Комаровский. Вам знакомо имя Ивана Андриановича Михайлова?
- Савинков. Ну конечно. Он был министром финансов Сибирского правительства. Мы с ним встречались несколько раз. А в чём дело?
- Комаровский. Дело в том, что генерал Болдырев в дневнике пишет, что этот «штатский Наполеон» направлял ход местной политической жизни». А вы в тот момент были с ним тесно связаны. Говаривали тогда, что вы и жили с ним вместе, и «будировали» правительство вместе с ним же. Именно поэтому вас и пытались выпихнуть из России под любым предлогом.
- Савинков. Мало ли что могли тогда говорить политические сплетники? А за границу я не собирался. Это всё мои недруги радели за меня.
- Комаровский. Почему же вы взяли у Болдырева триста тысяч франков? На поездку, или для чего-то ещё?
- Савинков. Да, вы правы, взял. На мелкие расходы в России.
- Комаровский. А поехали всё же за границу. Савинков, в то время, когда вы брали от директории триста тысяч франков, вашего бывшего товарища по террору, подельника по убийству великого князя Сергея, корниловцы в Омске пытали и убивали. Почему они вас не тронули?
- Савинков. Меня не так просто было взять.
- Комаровский. Моисеенко тоже был не лыком шит. А не брали вас потому, что вы в то время выпустили свои очередные воспоминания, но теперь уже о Лавре Корнилове.
- Савинков. Надеюсь, литературные творения не являются отягчающим обстоятельством?
- Комаровский. Это смотря кто писал и что писал.
- Савинков. Я писал то, что видел своими глазами.
- Комаровский. Да, вы многое видели. Но вот почему-то упустили из виду важное обстоятельство: ваше отношение к Корнилову не всегда было ровным.
- Савинков. Разве это имеет какое-то значение?
- Комаровский. Имеет. Для выяснения истинных причин ваших поступков имеет. *(Встаёт и ходит по комнате.)* Когда Корнилов в августе 1917 года предпринял свой поход на Петроград, всем казалось, что за ним стоит что-то большое. В ваших глазах это обстоятельство имело крупное значение. Мне кажется, вы старались найти возле Корнилова точку опоры, с которой могли бы стать вершителем судеб великого народа. Корнилов был о вас очень высокого мнения. Вот что он телеграфировал правительству, когда вы распустили слухи о своей отставке... Естественно, мнимой. *(Достаёт из папки лист бумаги и читает.)* «До меня дошли сведения, что Савинков подал в отставку. Считаю своим долгом доложить своё мнение, что оставление таким крупным человеком, как Борис Викторович, рядов Временного правительства не может не ослабить престижа правительства в стране, и особенно в такой серьёзный момент. При моём выступлении на совещании московском 14 августа я нахожу необходимым присутствие и поддержку Савинкова моей точки зрения, которая вследствие громадного революционного имени Бориса Викторовича и его авторитетности в широких демократических кругах приобретает тем большие шансы на единодушное признание...». Генерал просто боготворил вас. Именно поэтому вы не только не противодействовали Корнилову, что было бы абсолютно правильным исходя из вашей тогдашней официальной должности, но вы, наоборот, даже вдохновляли генерала на противоправное деяние. Вот ещё один

любопытный документ (*Достаёт новый лист.*) Выписка из протокола вашего пребывания в Могилёве, составленного в Ставке... Савинков – Корнилову: «...прошу вас отдать распоряжение о том, чтобы 3-й конный корпус был к концу августа подтянут к Петрограду, и был предоставлен в распоряжение Временного правительства. В случае если кроме большевиков выступят и члены Совета рабочих и солдатских депутатов, то нам придётся действовать и против них. Я только прошу Вас во главе 3-го конного корпуса не присылать генерала Крымова, который для нас не особенно желателен...». При этом Савинков сказал, что при возможном подавлении выступления в Петрограде большевиков и Советов «действия должны быть самые решительные и беспощадные. На что Корнилов ответил, что иных действий не понимает...». Протокол подписали генералы Корнилов, Лукомский и Романовский... Однако когда Корнилов на деле оказался бессильным, вы тотчас исправили свою ошибку. В качестве петроградского генерал-губернатора вы стали руководить борьбой против него.

Савинков (*встаёт*). Это ложь! Всё было не так. Генерал Корнилов действительно должен был взять столицу, для чего снял с фронта 3-й конный корпус в составе трёх дивизий во главе с генералом Крымовым, но корпус, как я и предполагал, не смог выполнить свою задачу. Я считаю – по вине Крымова. Его войска просто рассыпались по дороге. А лично я участвовал лишь в устранении возможных насилий вооружённых дезертиров над мирным населением. Всё-таки у генерала Крымова в подчинении была «гуземная», или Дикая дивизия. Повторяю, Дикая дивизия. Мы едва привели части корпуса к повиновению. Никаких боёв с корниловцами у правительства практически не было.

Комаровский. Да, не было, благодаря хорошей агитационной работе большевиков.

Савинков. Это ваше мнение и мнение вашей партии. (*Садится на место.*)

Комаровский. Вы думаете по-другому?

Савинков. Какое это имеет значение?

Комаровский (*подходит к столу*). Я пытаюсь разобраться в ваших поступках. Вот одно из ваших обращений в те дни... «В грозный для Отечества час, – пишете вы, – когда противник прорвал фронт и пала Рига, генерал Корнилов поднял мятеж против Временного Правительства и революции...». Это вы говорили 29 августа, а уже 11 сентября в своей речи на Чрезвычайном совещании представителей казачьих частей, расположенных в Петрограде и его окрестностях, вы сказали, что «совершенно согласны в Корниловым в его целях, но разошлись в средствах и плане».

Савинков. Да, собственно, что вы знаете о Корнилове? Вы хоть знаете, кто по-настоящему был вдохновителем так называемого мятежа? Как погиб генерал Крымов, знаете?

Комаровский. Нет. Но если вы скажете, буду знать.

Савинков. А я тоже не знаю. (*Садится.*) Спросите у Александра Фёдоровича Керенского, возможно, он вам и скажет правду.

Комаровский. Придёт время – спросим и у него, и у его друзей из заграничных масонских лож. (*Садится на своё место за столом.*)

Савинков (*смеётся*). Вы и до них хотите дотянуться?

Комаровский. Почему бы и нет?

Савинков. Вам вначале нужно своих масонов перестрелять, потом уж думать о загранице.

Комаровский. Генерал Нокс и господин Вологодский, рекомендовавшие вас в министры иностранных дел Директории, тоже масоны?

Савинков. Под меня масонскую базу подводите? Не видел, не знаю, не участвовал.

Комаровский. Хороший ответ, но неверный. Участвовали, и ещё как участвовали. В правительстве Керенского все были масонами. А в русскую военную ложу входили все генералы-мятежники: Корнилов. Деникин, Алексеев, Крымов...

Савинков. Это вы сказали. Так и запишите в протокол, гражданин следователь.

Комаровский. Как видите, я не веду протокола. Мы просто беседуем. А вы, я вижу, испугались за свою жизнь?

Савинков. С чего это вы взяли?

Комаровский. За выдачу своих тайн масоны карают смертью.

Савинков. А я никого не выдавал.

Комаровский. Вы готовили убийство царя?

Савинков. Убийство царя – вопрос не политический, а боевой техники. Царя мы могли бы убить даже при формальном запрещении ЦК партии. На перспективу – да, мы были готовы это сделать. Но только царя на троне, а не человека, отрешившегося от него. И царя одного, а не всю его семью. Дважды покушение на великого князя Сергея Иван Каляев не смог совершить именно потому, что в его карете в это время сидели дети великого князя Павла и великая княгиня Елизавета. Дети и члены семей приговорённых к казни никогда не были нашей целью. Мы страшились убить одного невинного ребёнка, вы же убиваете их тысячами ежедневно.

Комаровский. Не пугайте меня обывательскими страшилками, Савинков. Решение о расстреле Романовых принимал не я.

Савинков. Но ваша партия, значит, и вы в том числе.

Комаровский. Так можно далеко зайти... У собаки два глаза и нос. И у человека два глаза и нос. У собаки волосы на голове. И у человека на голове волосы. Вывод: значит, человек – собака. Абсурд.

Савинков. Именно абсурд. Начав с аморального убийства, не приведёте ли вы нашу страну к краю гибели и моральной деградации?

Комаровский. Ну, не вам судить о моральных устоях нашего общества и его вождей.

Савинков. Почему нет? Я такой же гражданин России, как и вы, и я могу иметь своё мнение о том, что в стране происходит.

Комаровский. Иметь можете, если вы её гражданин и честно работаете на процветание страны. Насколько я знаю, вы просто обыкновенный эмигрант, несмотря на всю вашу бурную биографию в прошлом, эмигрант, состоящий в антисоветской организации, действующей против советской России. Против СССР.

Савинков. Организации, придуманной вами, чекистами.

Комаровский. Ну да. Это очень хорошо задуманная и проведённая операция наших чекистов. И вы это знаете, как никто другой. Мне вообще порой кажется, что вы сами давно это поняли, ещё там, сидя за границей, и, как ваши бывшие товарищи по террору, решили свести счёты с жизнью по-геройски, вернувшись на многострадальную историческую родину, захваченную врагами рода человеческого – большевиками, вернуться с терновым венцом мученика, а не спившись в каком-нибудь западном кабаке, всеми брошенный и забытый. Помоему, спасаясь от дикого одиночества, вы и решились отбить жену у своего друга Деренталя.

Савинков. Женщину хоть пощадите, гражданин следователь, она ни в чём не виновата.

Комаровский. Вы политический банкрот, Савинков! И решились под занавес вновь стать кумиром обманутых вами людей, пусть даже и после своей физической смерти. Отсюда и ваши книги: «Воспоминания террориста» и «Моя борьба с большевиками».

Савинков. Не делайте из меня монстра, гражданин следователь, я действительно обыкновенный эмигрант. Но я очень не люблю, когда меня унижают. Ваше счастье, что я ваш пленник.

Комаровский. Я вас и не думал унижать, Борис Викторович. Что вы? Факты, факты говорят против вас.

Савинков. Факты и события можно составлять и группировать в любой последовательности и соседстве. Правда, вам не откажешь в логике, в гэгэушной

логике. Но есть ещё и иные мотивы поступков, о которых вам, гражданин следователь, видимо, ничего не известно.

Комаровский. Назовите их.

Савинков. Вряд ли это поможет вам. Слишком много вами пролито крови.

Комаровский. Ну хватит, Савинков! Это уже перебор. Какая-то кухонная склока в коммунальной квартире, а не допрос. Я же не считаю всех убитых вами и не ставлю их всех вам в вину. Многих вами убитых я бы и сам расстрелял с превеликим удовольствием.

Савинков. Вы можете и меня расстрелять. Вы можете измазать меня грязью подлых намёков и подозрений, обвинить в чём угодно. Одно вы не сможете изменить: моё прошлое, описанное мною самим. Моё имя уже вписано в историю революционной борьбы кровью моих товарищей и убитых нами врагов России. Кто вспомнит вас, Комаровский? Кто знает вас, бывшего штабс-капитана, ставшего чекистом?

Комаровский. Я не тщеславен, господин Савинков. А вот вы... «Быть возле меня – значит быть возле истории». Разве это не вы сказали?

Савинков. А разве это не так?

Комаровский. Но ведь вас ещё будут помнить и как близкого друга провокатора Азефа. Не каждый захочет войти в историю рядом с таким человеком.

Савинков. Бьёте в самое больное место... Да, я был связан с Азефом дружбой, потому что верил ему, как никому другому. Я был мальчишка, а он – зрелый революционер. Так мне тогда казалось. Он играл мною, а я был уверен, что он руководит, как более опытный товарищ.

Комаровский. Ну зачем вы так себя принижаете? Среди вас были и более юные создания. Например, Дулебову не было ещё и двадцати лет, а он уже убил уфимского губернатора Богдановича и готовился к дальнейшим покушениям. Кстати, не без вашей помощи и, естественно, под мудрым руководством провокатора Азефа.

Савинков. Дался вам этот Азеф!.. Да, я слышал о подозрениях в его предательстве ещё в 1905 году. В ЦК было доставлено анонимное письмо, в котором говорилось о провокаторской роли Татарова и Азефа.

Комаровский. А не раньше?

Савинков. Было и раньше. За два года до этого, в 1903 году, студент по фамилии, кажется, Крестьянинов прямо обвинил его в провокации.

Комаровский. Вот видите, сколько людей указывало вам на его истинную роль в вашей боевой организации и в партии, а вы никак не реагировали на это. Почему?

Савинков. У Евно была слишком героическая биография.

Комаровский. Скажем просто – миф, состряпанный с помощью охраны.

Савинков. Можно и так сказать.

Комаровский. Так почему вы так слепо верили полицейскому провокатору? Почему?

Картина вторая

Савинков и Чернышёв.

Савинков. Ты слышал? Бурцев, редактор журнала «Былое», заявил ЦК, что имеет основание подозревать Азефа в провокации. У него якобы есть какие-то серьёзные доказательства.

Чернышёв. Нет, не слышал. Вот это да! И что теперь делать?

Савинков. ЦК решил призвать Бурцева к суду чести за распространение слухов, порочащих руководителей Боевой организации. Азефа – человека, столько сделавшего для революции, для партии эсеров, – нельзя просто так уничтожить чьим-то нелепым подозрением. Это недопустимо.

Чернышёв. Ну а как тогда быть, ведь и раньше были письма с его обвинениями?

Савинков. А что если это сама полиция распускает слухи с целью дискредитировать Азефа и разложить подозрениями партийную дисциплину в партии? Ведь слухи, как я знаю, идут именно от бывших и настоящих полицейских.

Чернышёв. Вот оно что.

Савинков. Мне кажется, привлечение Бурцева к суду излишне. Это не остановит слухи, и подозрения будут только способствовать им. Не вижу смысла с осуждением Бурцева.

Чернышёв. Ты думаешь, его осудят?

Савинков. А ты веришь в виновность Азефа?

Чернышёв. Не знаю. Я не привык рубить сплеча. Нужно всё хорошо обдумать, взвесить, потом – судить.

Савинков. Суд над Бурцевым – оскорбление Боевой организации.

Чернышёв. Оскорбления я не вижу. Судят не Азефа, а Бурцева. Не нужно пороть горячку.

Савинков. Суд не выгоден для ЦК. Я убеждён, что этим будет подорван авторитет и ЦК, и самой партии.

Чернышёв. Почему сразу авторитет партии и ЦК? Бурцев – рядовой член партии, и будет ею раздавлен. Он не имеет прямых доказательств предательства, и ему придётся покаяться на суде или раскрыть источники обвинения. Плохо, очень плохо, что мы смотрим на мир и на своих товарищей по борьбе взглядом, затуманенным всеми человеческими страстями.

Чернышёв уходит. Появляется Азеф.

Азеф. Как это гадко! Ты слышал, Борис, что говорит Бурцев?

Савинков. Да.

Азеф. Как всё же это подло!

Савинков. Я тебя понимаю, Евно. При таких подозрениях тяжело жить. Эти подозрения словами не смоются. Они смоются только делом – новым значимым терактом.

Азеф. Ты думаешь, нужно ехать в Россию?

Савинков. Конечно. И даже обязательно.

Азеф. И ты поедешь со мной?

Савинков. Я вижу в такой поездке единственную возможность защитить организацию, тебя и мою честь. Я готов заявить печатно, что продолжаю работать с тобой.

Азеф. А если мы поедем и будем арестованы, что тогда?

Савинков. Я предвижу такой конец. Но именно процесс над нами и несколько наших казней реабилитируют организацию.

Азеф. А если меня случайно не арестуют?

Савинков. Тогда мы заявим на суде, что вполне верим тебе.

Азеф. Нет, этого мало. Нужен суд надо мной, суд! Только на таком партийном суде вскроется вся нелепость этих подозрений.

Савинков. Я ничего не хочу в этом деле предпринимать без твоего согласия. Если ты не принимаешь моего предложения, то позволь мне по крайней мере попытаться убедить Бурцева отказаться от суда. Он же не знает тебя и твоей биографии. Когда я ему её расскажу, – я убеждён, он откажется от своих подозрений.

Азеф. Ну что ж, против этого я, пожалуй, ничего не имею. Попробуй, поговори с Бурцевым наедине. Возможно, всё и уладится само собой. Спасибо тебе!

Картина третья

Кабинет следователя. На столе появились стаканы с чаем.

Комаровский. Ну и что выяснилось в итоге? Что сказал Бурцев?

Савинков. Многое сказал. В частности, он высветил роль в нашей работе некоего инженера «Раскина», являвшегося сверхтайным агентом полиции. Очень давно ещё Аргунов в «Революционной России» описал историю ареста типографии в Томске в самом начале века, но причины провала почему-то не указал. Скорее всего, по незнанию. Я позднее читал доклад Зубатова по этому делу. Этот «Раскин» сдал типографию в Томске с потрохами. Выпуск журнала прекратился, а далее пошла цепочка предательств и десятки арестов, за некоторыми последовали даже казни.

Комаровский. И это всё был Азеф?

Савинков. Да, он. Не знаю, по каким причинам, но Азефа сдал бывший директор департамента полиции сенатор Алексей Александрович Лопухин. За что поплатился арестом и положением в обществе.

Комаровский. Чего гадать? Всё яснее ясного: Азеф сдавал и ваших, и своих. И с обеих сторон тянул деньги. И немалые деньги.

Савинков. Боже, как можно быть таким жадным!

Комаровский. Вот за это сенатор и сдал его. Вы же тогда убили министра внутренних дел Плеве, великого князя Сергея – дядю самого царя; по стране прокатилась целая волна террористических актов числом в сотни и даже тысячи. Гибли лучшие слуги режима. Сколько же можно было терпеть эту гадину? Лопухин, видимо, надеялся, что вы убьёте Азефа, как убили провокатора Татарова.

Савинков. Логично.

Комаровский. До сих пор удивляюсь, как вы допустили, что Азеф умер своей смертью?

Савинков. Всё в руце Господней, гражданин следователь. И жизнь, и смерть каждого из нас. Такая, видно, была у него судьба.

Комаровский. И всё же в этом есть какая-то мистика. Вы не находите?

Савинков (*помолчав*). Убивая близкого человека, убиваешь и частичку самого себя. Я глубоко убеждён в этом. Мы готовы были умереть за общее дело, но мы не были самоубийцами вот в этом смысле слова. «Нужно делать общее дело, не ища своего», говорил святой Иоанн Златоуст. А самосуд, сведение счётов... это всё-таки дело своё, частное.

Комаровский. Ничего себе частное! Глупости городите, Борис Викторович. Несёте какую-то поповщину: не убий, не укради, ударили по одной щеке – подставь другую... Глупости! Предатель должен был быть уничтожен. Его позорная смерть была бы уроком для других потенциальных предателей.

Савинков. Мы Татарова убили, и что с того? Кровь, грязь, невинные жертвы, провокационное полоскание нашей организации в прессе...

Комаровский. Но предатель был ликвидирован, и это главное.

Савинков. Вместе с другими, невиновными.

Комаровский. Нужно было лучше готовиться к показательной акции возмездия, избегая лишних жертв.

Савинков. Как всё это дико звучит, однако, особенно в ваших устах, в устах чекиста.

Комаровский. Что?

Савинков. Я говорю о напрасных жертвах при акциях возмездия. Но давайте опустим этот вопрос. Он всё равно к моему делу не относится.

Комаровский. Засомневались в правильности своих давних поступков? «Усомниться в самом себе – высшее искусство и сила», – писал ещё Кант.

Савинков. Любой неправый поступок, совершённый ради неправого дела, несёт в себе проклятие.

Комаровский. Надо бы запомнить, красиво сказано. Ну, что ж, давайте не касаться больше этого вопроса. Всё равно за вашими словами всегда кроется больше того, что они обозначают.

Савинков. Вам со стороны виднее.

- Комаровский. Естественно. Итак, продолжим. Что же всё-таки заставляло вас работать в терроре? Ведь за смерть одного-двух мерзавцев вы платили подчас гораздо большим числом своих друзей: Каляев, Покотиллов, Швейцер, Дулебов... Список погибших и казнённых можно продолжить. Товарищей не было жалко?
- Савинков. Вы же знаете, терроризм в России порождён жестокостью подавления самодержавием свободной мысли, полным бесправием народа перед лицом абсолютной власти бюрократической системы, всё увеличивающейся пропастью между народом и правящей элитой. Нарушая собственные законы, царь и его окружение действовали в своей стране, как на захваченной чужой территории, и мы вынуждены были на жестокость отвечать террором, не жалея себя и своих товарищей.
- Комаровский. Вот здесь мы с вами сходимся в оценке той политической обстановки, в которой вы начинали действовать в качестве террориста.
- Савинков. Ну а сейчас разве лучше? Ссылки в Сибирь и на Соловки, многолетние тюремные заключения, репрессии против восставших крестьян, просто расстрелы негодных по сословному признаку. Почти один к одному – царский режим, только многократно больше жестокости и ненависти к собственному народу.
- Комаровский (*встаёт и ходит по кабинету*). Ложь! Это всё в прошлом. Гражданская война давно закончилась. Закончилось и незаконное беспорядочное судопроизводство.
- Савинков. Вы – точно небожитель, давно не спускавшийся на грешную Землю. На Волге голод, на Украине не лучше. Все производства разрушены.
- Комаровский. Всё восстанавливается. Всё, что вы, кстати, разрушили. У нас, слава богу, сегодня НЭП. И мы выдержим натиск мировой буржуазии любой ценой. Повторяю, любой!
- Савинков. Правильно, любой! Но почему НЭП? Ведь вы начали войну с мировым капитализмом, уничтожая под корень прежде всего свою, русскую буржуазию.
- Комаровский. У нас никто местную буржуазию не уничтожал. У неё просто отняли самовольно захваченную материальную власть над страной. Промышленность и торговлю в свои руки взяло государство. И когда оно это сделало и тем самым исключило возможность реставрации материальной власти буржуазии, большевики решили допустить ограниченную деятельность буржуазии в сфере государственной экономики, обложив её громадным, сдерживающим её мечты налогом. И теперь эта буржуазия вольно, а главным образом невольно участвует в укреплении экономики большевистской России.
- Савинков. И всё равно я вам не верю. Даже при самых идеальных объективных условиях русский мужик в ближайшие 200 лет не познает ни счастья, ни благополучия. Слышите? Двести лет. А русский мужик – это и есть Россия. И вам с ним не справиться.
- Комаровский. Но вы же сами приказывали убивать крестьян – русских мужиков – на Западном крае. Не говорю уж про Ярославль, Муром и другие города, в которых вы организовали кровавые мятежи, рассчитывая на иностранную интервенцию.
- Савинков. Коммунистов – да, уничтожал, и это было моей ошибкой; нужно было вести широкую и углублённую пропаганду.
- Комаровский. Чего?
- Савинков. Нужна была разъяснительная работа по каждому повороту вашей иезуитской политики. А у нас на это не было ни сил, ни времени.
- Комаровский. Конечно, сабля бандитов работала быстрее и вернее. Именно поэтому вам так близок оказался фашизм.
- Савинков. Что? Откуда вы это взяли?
- Комаровский (*достаёт из папки очередную листовку*). Вот ваше письмо Арцыбашеву, отправленное вами буквально накануне перехода границы СССР.
- Савинков (*взволнованно*). Как оно к вам попало?

Комаровский. Это вас не касается; главное, что оно у нас. Вот вы пишете: «О фашизме, по-моему, следует писать возможно больше... Не знаю, как Вам, но фашизм мне близок и психологически, и идейно. Психологически – ибо он за действие и волевое напряжение в противоположность безволию и прекраснодушию парламентской демократии, идейно – ибо он стоит на национальной платформе и в то же время глубоко демократичен, ибо опирается на крестьянство. Во всяком случае, Муссолини для меня гораздо ближе Керенского и Авксентьева».

Савинков. Да, я не верю в ваше будущее и мне интересен зарождающийся фашизм, потому что ваш НЭП – отступление от социализма, шаг назад к капитализму, против которого мы с вами когда-то боролись вместе. Не знаю, насколько морально идти к победе социализма, шагая по трупам собственного народа.

Комаровский. Но вы-то шагали.

Савинков. В ответ на ваш террор. Офицеры и казачество поднялись на борьбу только после массовых расстрелов и тех, и других. На вашу жестокость ответили тем же – как аукнется, так и откликнется.

Комаровский. Убивали и были убиваемы... «Гражданскую войну начинали почти святые, а закончили настоящие бандиты», – кажется, так сказал недавно о своих соратниках активный белогвардеец и монархист, бывший депутат Государственной думы Василий Шульгин. Разве он не прав?

Савинков. И это не только о белых можно сказать, но вообще обо всём нашем обществе. Лишь малая часть его хранит верность идее, в которую верила в юности. «Иди в огонь за честь отчизны, За убежденье, за любовь... Иди и гибни безупречно, Умрешь не даром: дело прочно, Когда под ним струится кровь»... Всего лишь часть нашего народа до сих пор хранит в себе святую веру в лучшую жизнь. Часть! Но способна ли эта часть спасти и себя, и страну от растления и гибели, если у власти стоит ваша партия?

Комаровский. Такое ощущение, что вы ничуть не изменились с тех далёких дореволюционных лет. Всё тот же революционный напор, всё та же неистовая страсть, всё та же нетерпимость вышестоящей власти... Или вы разыгрываете меня, господин Савинков?

Савинков. Ни в коем случае. Я уверен, что масса нынешних красных спецов в армии и на производстве ещё лет семь назад в душе сочувствуя революции, в глубине её была уверена, что этот «праздник жизни» никогда не наступит. Никогда! Сейчас они точно так же думают и о вашем «социализме». Неужели вы этого не понимаете?

Комаровский. Понимаю. Но так же, как мы сделали явью «праздник жизни», так же будет построен и социализм. И вот тогда-то они поймут, что мы были правы. Мы, а не они.

Савинков. Боюсь, что они до этого не доживут.

Комаровский. Значит, туда им и дорога. И вообще я не понимаю, как после стольких лет убийств и насилия можно читать наивные стишки больного интеллигента из благополучного девятнадцатого века?

Савинков. Надо верить, что служил и служишь правому делу. И верить да конца.

Комаровский. А я не верю вам. Не верю! Как можно бороться за социализм, находясь в одной компании с Антантой?

Савинков. У нас в борьбе против вас не было той силы, которая была у белых. Мы с ними были лишь временными союзниками.

Комаровский. То есть, если бы победили белые, вы тотчас бы начали борьбу против них? Я правильно вас понял?

Савинков. Совершенно верно. Если бы они не приняли ряд законов и постановлений, ограничивающих права капиталистов и помещиков. В частности не передали бы безвозмездно всю землю тем, кто её обрабатывает, то, безусловно, я снова встал бы на путь борьбы.

Комаровский. Но ведь земля уже отдана крестьянам, что же вам ещё нужно?

Савинков. Демократии. Участию народа в работе правительства. Созыв учредительного собрания и ликвидация единовластия партии большевиков.

Комаровский. Это демагогия. Эсеры всегда отличались излишней патриотической болтливостью.

Савинков. Напоминаю: я вышел из партии эсеров после того, как суд партии снял с меня обвинения в преступных связях с Азефом.

Комаровский. Знаю, но с февраля 1917 до Октябрьской революции вы были с эсерами.

Савинков. Это было вынужденное сотрудничество с бывшими товарищами.

Комаровский. Да, понимаю, Керенский эсер, как и многие в его правительстве, как-то неудобно было среди них выделяться. Только для меня вы всегда были и будете эсером, как и ваш говорун Керенский.

Савинков. Да ну? А я всегда думал, что вашего Ленина и Троцкого переговорить просто невозможно.

Комаровский. Кроме них есть и другие товарищи в партии.

Савинков (*горько усмехаясь*). Я так и знал, что у вас есть в запасе и другие товарищи, молчуны. Правда, как же тогда быть с Троцким, Рыковым, Зиновьевым и Каменевым, наконец?

Комаровский. Я не принадлежу к товарищам пробундовской ориентации, и их судьба меня не интересует.

Савинков. Вот как? В партии возникла новая группировка вождей?

Комаровский. Возможно.

Савинков. Это интересно, и я, кажется, понимаю, откуда ветер дует.

Комаровский. Очень хорошо, что понимаете, значит, мы с вами сможем говорить без ненужных объяснений нынешней политической ситуации в стране.

Савинков. И всё же что будет с Дзержинским и Бухарчиком, любимцем Ленина и партии?

Комаровский. Мы потому и называемся большевиками, что у нас правит большинство. Одиночки в партии не приживаются.

Савинков. Ну-ну! Единоначалие в армии отменили, и к чему это привело?

Комаровский. Мы победили, а победителей не судят.

Савинков. Запуганные современники – да; потомки – судят, да ещё как судят.

Комаровский. Это их проблемы.

Савинков. После нас хоть потоп?

Комаровский. Именно, потоп, который смоеет всех наших врагов и недоброжелателей.

Савинков. Оригинально.

Комаровский. Не думаю, что вы поступили бы иначе, окажись на нашем месте.

Савинков. Хочу вам напомнить текст прокламации, написанной после убийства Степаном Балмашевым министра внутренних дел Сипягина в 1902 году. «По делам вашим воздастся вам», говорилось в заголовке. А далее писалось о причинах приговора Сипягину. «Лишённые возможности каким бы то ни было мирным способом противодействовать этим злодеяниям, мы, сознательное меньшинство, считаем не только своим правом, но и своей священной обязанностью, несмотря на всё отвращение, внушаемое нам таким способом борьбы, на насилие отвечать насилием, за проливаемую кровь платить кровью его угнетателей... Свист пуль – вот единственно возможный теперь разговор с нашими министрами, пока они не научатся понимать общечеловеческую речь и прислушиваться к голосу страны». Вы не боитесь пули из стана меньшинства, гражданин большевик?

Комаровский. Нет, не боюсь. У вас, Борис Викторович, отличная память, должен отметить.

Савинков. Не жалуюсь.

Комаровский. Почему же тогда вы забываете некоторые важные этапы и вехи вашей жизни?

Савинков. Вы – следователь, я – осуждённый, у нас изначально разные задачи и функции при допросе.

Комаровский. И это правда. Хотя суд над вами уже давно прошёл. Это, скорее, разговор старых приятелей... перед прощанием.

Савинков. Да, мы с вами коллеги... Я хорошо помню нашу первую встречу.

Комаровский. И всё же... *(Садится за стол, включает настольную лампу и, передумав, тут же её выключает. Начинает быстро задавать вопросы.)* Вы пришли к террору летом 1903 года?

Савинков. Да.

Комаровский. Вам было всего 24 года?

Савинков. Да.

Комаровский. Ваши родители были интеллигентные люди: отец – юрист, мать – литератор. Вы сами не окончили петербургский университет.

Савинков. Да.

Комаровский. Когда были арестованы в первый раз?

Савинков. В 18 лет.

Комаровский. За что?

Савинков. За то, что со старшим братом Александром протестовал против установления в Вильно памятника графу Муравьёву, прозвище которому «вешатель».

Комаровский. Хм!.. Не знал, что вы, так сказать, с младых лет... И сколько отсидели?

Савинков. Пустяки. Четыре дня. Отец постарался.

Комаровский. Ясно. У нас есть информация, что в марте 1920 года из-за серьёзных разногласий в русской колонии в Польше на вас было задумано покушение. В связи с чем Варшавское отделение II отдела Генерального штаба арестовало членов тайной монархической организации генерала Перемыкина, графа Муравьёва-Амурского и полковника Нершельмана. Так ли это?

Савинков. Не знаю. Польский Генштаб меня об этом не информировал. К чему всё это?

Комаровский. Хочу понять, что всё же двигало вами в вашей борьбе.

Савинков. Я уже сказал. Мне ненавистна любая форма угнетения человека человеком.

Комаровский. А может, ваш авантюризм наложился на ваш властолюбивый характер и оба этих сильных качества не давали вам спокойно жить?

Савинков. Думайте, как вам угодно.

Комаровский. Хорошо. *(Снова встаёт и ходит по комнате.)* Жертвенность героизма, тайное преступление и холодная жестокость без раскаяния... Мне кажется, именно это всё ваше. Кратчайший путь к славе и власти лежит через террор... Как много умных и талантливых обмануты этим. И вы в том числе.

Савинков. Я убеждён: пройдут годы, но при любой власти, при любом режиме всегда будут молодые люди, готовые пожертвовать собой ради счастья других. Ради освобождения родины от тирании.

Комаровский. Пафосное заявление. Вам бы на сцене трагические роли играть.

Савинков. Моя роль в истории трагичнее многих героев сценических трагедий прошлого.

Комаровский. Вот с этим я согласен.

Савинков. К сожалению, я слишком поздно понял, что одиночным терроризмом не излечить прогнившую политическую систему. Удачливый человек так устроен, что постоянно думает, что несчастья всегда приходят только к другим. Его, то есть человека, избранного якобы самим богом и вышестоящим начальством, сия чаша обязательно минует. И потому смерть товарища его пугает только на время.

Комаровский. Значит, вы отрицаете террор?

Савинков. Я только лишний раз утверждаю, что люди бюрократической системы гораздо страшнее и подлее, чем мы о них думаем.

Комаровский. Возможно, вы и правы. И всё же вернёмся к нашим делам... Почему вы, наверняка догадываясь о подлинной роли в белогвардейском подполье

- антисоветской организации, заманивающей вас в СССР, всё же решились на переход в СССР, а не остались на Западе?
- Савинков. Ещё Петр I говорил: «Европа нужна нам только на несколько десятков лет, а после того мы можем обернуться к ней задом».
- Комаровский. Но вы не прожили за границей и десяти лет.
- Савинков. Вот в этом, видно, моя главная ошибка. Нужно было подождать, когда созреют события и у вас здесь, и на Западе.
- Комаровский. Вы серьёзно верите, что рабочий класс пойдёт против советской власти и своих вождей?
- Савинков. Нет, я думаю о тех людях, которые соберутся в группы и партии, выражающие интересы рабочего класса. Сам-то класс пролетариев мало на что способен без групп заговорщиков, профессиональных революционеров.
- Комаровский. Большевики и так представляют интересы пролетариев.
- Савинков. Я это слышал не раз, но почему же вы тогда уничтожали восставший против вас пролетариат и крестьянство? Жестоко, безжалостно. Вспомните только одну Тамбовщину.
- Комаровский. Потому что пролетариат не способен сам себя защитить и легко поддаётся на провокации своих врагов. Вы только что сами об этом сказали. А в Тамбове действовала рука правых эсеров, ваших коллег. При вашем активном участии они смогли от одиночного террора перейти к террору массовому.
- Савинков. Это ещё доказать надо.
- Комаровский. Это уже доказано. И запомните: главное в любой революции – вопрос власти. Власть в России должна была перейти к пролетариату, но не напрямую к рабочему от станка и крестьянину от сохи, а к авангарду рабочего движения. Авангардом в России явилась партия большевиков.
- Савинков. А эсеры тогда кто? Разве они не боролись с царизмом, разве не были вместе с вами на одних баррикадах в 905 и 917 годах?
- Комаровский. Я ещё раз повторяю: главное – кто победил в революции. В России победили большевики.
- Савинков. Победили ленинцы, всегда рвавшиеся к власти, и открыто об этом говорившие. Группка профессиональных революционеров, приехавшая из-за границы и сплотившаяся вокруг Ленина. Разве они, почти все выходцы из русской интеллигенции, являются рабочим классом?
- Комаровский. Вы сами сказали, что пролетариату нужны профессиональные революционеры, опирающиеся на рабочие массы.
- Савинков. Вот и выходит, что рабочие для вас – не цель, а лишь средство в политической борьбе за власть. Ваша головка партии не только не является частью рабочего класса, но и вообще частью какого бы то ни было класса. Это самостоятельный социальный организм, имевший цель взорвать русское общество. Ближайшая цель – революция, а перспектива – захват власти. Вы выполнили задуманное блестяще. Bravo! Что дальше? А дальше нужно работать на улучшение жизни народа. А вам это не нужно, потому что ваша цель достигнута – вы захватили власть, и теперь можете пользоваться ею сколько угодно, пока не придут новые заговорщики.
- Комаровский. А разве вы, эсеры, не такие же захватчики?
- Савинков. Мы хотели и хотим демократии и справедливого социального общества. А вы создали новый правящий класс – ВКП(б). И это аморально.
- Комаровский. Революцию нелепо и смешно судить с точки зрения морали. И всё же, несмотря на все наши разногласия, я думаю, вы могли бы ещё оказать большую услугу нашей революции.
- Савинков. Вашей – никогда. Моя революция расстреляна на тамбовщине и в Кронштадте. Другой нет и не будет.

- Комаровский. В Кронштадте вами, эсерами, была предпринята попытка военного переворота. А Тамбовщина – русская Вандея, кулацкий ответ на нашу пролетарскую революцию.
- Савинков. Это вы-то пролетарий, штабс-капитан? Почему же вы тогда уничтожали тамбовских крестьян?
- Комаровский. Тамбовщина – ваш, эсеровский, «третий путь» к социализму через массовый террор, приведший крестьян к контрреволюции. Только и всего.
- Савинков. Неправда! Только невыносимые условия жизни заставили крестьян бороться с вами. Напомню слова канцлера Горчакова, сказанные ещё в середине прошлого века: «Без ошибки правительства революция невозможна, в каждой революции кроется вина правительства».
- Комаровский. Сознаюсь, мятеж в центральной губернии застал нас врасплох.
- Савинков. Ещё бы! У вас были серьёзные внешние враги, где вам думать о делах внутренних, о голодных и сырых согражданах, подыхающих под гнётом «военного коммунизма».
- Комаровский. Правительство думало о том, как выжить стране Советов во вражеском окружении, а тут ваши мужики...
- Савинков. Ну, конечно, против вас поднялась целая губерния, возникла из ниоткуда настоящая крестьянская армия. Если её не разгромить в кратчайший срок, может подняться вся Россия.
- Комаровский. Именно так все и думали. Ведь вы же знаете, что общий материальный ущерб после гражданской войны превысил 50 миллиардов золотых рублей. Это не могло не отразиться на сельском хозяйстве. Голод, засуха... Ну а тут ещё и «военный коммунизм» усугубил положение.
- Савинков. Поэтому вы запретили свободную торговлю, объявили гужевую повинность и прочие мелкие радости, больше похожие на сознательно спланированные преступления против сельского труженика.
- Комаровский. Выхода не было.
- Савинков. Понимаю. Естественно, после этого озлобленность, отчаяние и безнадёжность населения для вас были полной неожиданностью.
- Комаровский. И вы, эсеры, этим ловко воспользовались. Ваши люди оказались в продотрядах и всячески способствовали злоупотреблениям при взимании продразвёрстки. Так вы создавали антисоветские настроения. Вам помогло и то, что из Тамбовской губернии вышло немало ваших лидеров: Чернов, Спиридонова и другие. Они имели большой авторитет среди крестьян, поэтому и связи у них были с Москвой и зарубежьем прочные. Вашим политическим лозунгом стал клич: «Советская власть без коммунистов!». Но это было враньё! Все эсеровские мятежи начинались с разгрома местных органов власти и расстрелов её работников.
- Савинков. Это всё ваши домыслы. Уничтожались только правоверные коммунисты и уничтожались самими же крестьянами.
- Комаровский. Нет, у нас есть документы, подтверждающие правдивость сказанного мною. Ваши эмиссары были во всех районах боевых действий. Вы давно разработали теоретическую базу мятежа. Вам только нужен был человек, который бы эту теорию попытался воплотить в жизнь. И такой человек нашёлся. Им стал Антонов.
- Савинков. Да. Антонов сумел собрать более восьмидесяти тысяч человек, что было при тех условиях жизни в губернии сделать несложно.
- Комаровский. Если быть точным – около 50 тысяч. Под угрозой расстрелов, уничтожения хозяйств и ложью относительно будущего России под руководством большевиков. А после отмены продразвёрстки ваша авантюра быстро пошла на убыль. От вас бежали целыми полками.
- Савинков. Вы просто вовремя сориентировались, иначе бы вам пришёл конец.

Комаровский. В этом и есть искусство политика – устранять опасность на пути к цели любыми средствами.

Савинков. Смотря какой ценой. Десятки тысяч убитых русских мужиков, женщин, стариков и детей, потравленных газами, расстрелянных с аэропланов, разорванных снарядами, желавших только одного: жить по-человечески на своём подворье и в своей стране. Ваши военачальники действовали как настоящие средневековые палачи.

Комаровский. Не говорите лишнего, не усугубляйте своего положения, гражданин Савинков.

Савинков. Мне уже нечего бояться. Ваш Ленин писал сверхсекретные директивы и циркуляры, после которых шли поголовные жестокие казни мирных жителей.

Комаровский. Откуда знаете?

Савинков. Ещё не все коммунисты во власти потеряли совесть.

Комаровский. Назвать их по именам можете?

Савинков. Я не предатель.

Комаровский. Мы всё равно их узнаем. Мы победили, и мы добьёмся своего.

Савинков. Не сомневаюсь. Трудно не победить слабо вооружённого мужика броневиками, бронепоездами и аэропланами.

Комаровский. Не нужно было поднимать мятеж против законной власти.

Савинков. Это вы-то законная власть?

Комаровский. Да. Мы – законная власть, потому что мы правим страной.

Савинков. Наше Временное правительство было за созыв Чрезвычайного собрания, которому и принадлежало право выбора формы правления в новой конституции России. После Октября, согласно резолюции Второго съезда Советов, Советы должны были управлять страной только до созыва Учредительного собрания.

Комаровский. Ну и что?

Савинков. А то, что великий князь Михаил Александрович, в пользу которого отрёкся Николай Второй 2 марта, 4 марта семнадцатого года объявил, что примет трон только по просьбе Учредительного собрания. До его созыва вся власть переходила законно в руки Временного правительства.

Комаровский. Ну и что?!

Савинков (*вскакивает со стула*). Как – что? Как – что?! В ноябре семнадцатого года вы получили на выборах в Учредительное собрание всего 175 мест из 715 и вот с этого-то времени вы и стали стремиться избавиться от созыва Учредительного собрания, которое, конечно же, прокатило бы вас с треском и передало бы власть Михаилу. Именно поэтому 5 января восемнадцатого года вы и разогнали «учредилку», как вы презрительно стали называть высший форум народных представителей России.

Комаровский. И правильно сделали, потому что выборы в «учредилку» не соответствовали новому соотношению классовых сил после Октября. И вообще я вас что-то не пойму, гражданин Савинков: вы за социалистическую революцию, за смену общественно-политической формации, за ликвидацию самодержавного строя, или же... кто вы?

Савинков. Если бы вы не захватили власть, всё могло произойти мирным путём. В том числе и передача власти Советам.

Комаровский. Так и так всё уже тогда произошло, зачем было огород городить заново? Зачем было власть вначале брать, затем её отдавать? Детский лепет какой-то, товарищ Вениамин! Детский лепет.

Савинков. И столько крови, столько мучений! Более десяти миллионов погибших с обеих сторон.

Комаровский. Война без крови не бывает, тем более классовая. Не нужно было саботировать и устраивать покушения.

- Савинков. Не нужно было воровски захватывать власть и устраивать единовластие одной партии.
- Комаровский. Левые эсеры в ноябре семнадцатого сами ушли со всех постов, мы их не гнали.
- Савинков. Знаете, Виктор Николаевич... *(Устало машет рукой.)* У каждого своя правда.
- Комаровский. Вы правы, своя. А истина – она одна: мы сохранили за собой власть.
- Савинков. В России издавна привыкли лечить зубы ударом кулака. Думаете, на месте выбитых вырастут новые?
- Комаровский. Вы к чему это?
- Савинков. Совершить злодеяние – просто; как вернуть доверие народа после него?
- Комаровский. Народ всегда стоит перед выбором. И всегда выбирает не то и не того. Стоит ли обращать внимание на нюансы в большой политике? Надо действовать, и действовать подчас жёстко, только тогда можно достичь успеха на пути к цели.
- Савинков. С этим можно согласиться. Однако...
- Комаровский. Никаких «однако». Мы на правильном пути и точка. Тем более мне непонятно ваше упрямство в этом вопросе, после написания вами заявления «Почему я признаю советскую власть».
- Савинков *(тихо)*. Я устал от крови... Я постарел, и мне захотелось на покой. И я подумал: если мне хочется забыть своё прошлое, то не хотят ли того же наши люди? Ведь они послушно, словно под гипнозом, идут под новое иго... советское. А вы, какая-никакая – власть. Власть, дающая надежду на мирное будущее и... социализм. И хотя вы лично у меня вызываете только боль и тревогу, мне захотелось остановить потоки крови, проливаемой русскими людьми в борьбе друг с другом. Мне показалось, что ко мне прислушаются многие, ведь я всё-таки стоял у истоков террора.
- Комаровский. Увы, мне кажется, вы правы. России, а в ней во многом лично вам, Савинков, принадлежит сомнительная честь быть первой в деле политического террора. В этом особенно для меня неприемлемо то, что идея целесообразности данного действия практически соединена вами с борьбой за социализм.
- Савинков. Не вижу в этом ничего преступного. Человек, осознавший всю пагубность капиталистического пути, но не способный на честной конкурентной основе добиться реализации своих идеалов законным путём, идёт по пути экстремизма, как пути единственно возможного в его положении при достижении цели. Пути быстрого и действенного. Иными словами, он уподобляется зверю, загнанному в угол. А в таком положении, сами понимаете, человеку терять нечего.
- Комаровский. Вы правильно сказали – зверю.
- Савинков. Не цепляйтесь к словам, смотрите в суть явления. Беспощадная борьба с режимом – наше моральное оправдание террора. И, заметьте, мы шли на смерть не по принуждению, а осознанно, добровольно. И не я и мои друзья были первыми в этом кровавом деле. Перед нами были народовольцы.
- Комаровский. Должно быть, вам известно, чем закончили свои дни организации «Земля и воля» и «Народная воля»?
- Савинков. Конечно.
- Комаровский. И, тем не менее, после всего, что пережила наша несчастная страна, вы и ваши друзья продолжили дела ваших предшественников уже сегодня, в веке двадцатом, при новой власти. Сколько наших товарищей в России и за её пределами вы отправили на тот свет? И за что? За то, что они были большевиками, коммунистами, и пытались осуществить на деле цель вашей юности – социализм.
- Савинков. Это всё слова. Вы смогли сделать октябрьский переворот только потому, что не отдавали себе настоящего отчёта о тех трудностях, которые вас ожидали. Отсюда репрессии, отсюда и НЭП. Вы погибнете не от внешних сил, а от собственного внутреннего разложения. Вам не справиться с микробами

капитализма, проникающими в ваш организм уже сейчас. Социализм можно построить только при поддержке основной массы населения страны, не утратившей светлые идеалы. А вы развратили и продолжаете развращать чернь, надеясь, что с её помощью добьётесь своего. Но вы ошибаетесь, у вас ничего не выйдет. Если есть отвага в груди, то ты не побоишься не только нагаек, но и виселицы. И мы их не боялись, и не боимся.

Комаровский. А это уже романтический флёр. Так сказать, дымовая завеса истинных событий и причин политического террора. Им обмануты многие ваши сторонники. Вы, эсеры, создали Боевую организацию с целью дезорганизации правительственных сил, и чего добились в итоге? Психологически обработанная группа исполнителей терактов погибала во время покушения или спуска время на эшафоте, а строй и царское правительство только укреплялись, оставаясь незыблемыми.

Савинков. Это всего лишь ваша точка зрения. Теоретизировать можно долго и ни о чём, особенно через столько лет после наших терактов. Главное для нас было – разбудить народ, дать ему правильный курс в политической борьбе, указать вектор движения к цели.

Комаровский. Я думаю, вами двигало не только желание стать революционным флюгером, а гораздо более прозаическое стремление хладнокровно решать судьбу других людей. Власть и слава – вот источник ваших действий. Вы считали тогда, что в смутное время перемен не теоретики, а практики-боевики будут ближе и понятнее толпе. И когда придёт время занять кресло диктатора, вы окажетесь одним из главных кандидатов на этот пост.

Савинков. В отношении меня вы жестоко ошибаетесь, уверяю вас. А вот в остальном скажу, что вы не открыли для меня Америки. Только я не понимаю, в чём же моя вина? Вина перед социалистической революцией? Вы считаете, что так легко в двадцать лет решиться на убийство и самого себя подвести под виселицу? Убивая других, я сам себя убивал тысячу раз. Кровь убитых давила и давит меня. Суметь умереть за правое дело – легко. Суметь достойно жить после убийства – тяжесть невероятная.

Комаровский. Но вы-то жили и живёте.

Савинков. По большому счёту перед вами только оболочка человека, тело, называемое Борисом Савинковым. Его самого здесь нет. Он давно себя уничтожил как личность.

Комаровский. Слишком всё это красиво сказано, Борис Викторович. Вы не находите?

Савинков. Возможно, но я не на митинге, чтобы покрасоваться перед толпой. Вы спросили, я – ответил... Откройте окно, здесь так душно.

Комаровский. Да, вы правы. Засиделись мы с вами, Борис Викторович. *(Открывает окно.)* Заговорились.

Савинков. Всё хочу вас спросить, Виктор Николаевич, не надоело вам здесь... сидеть? Ну, допустим, я здесь нахожусь за дело, а вот вы-то почему полжизни проводите рядом со мною, осуждённым народным судом за мои ошибки на воле к смертной казни, заменённой аж десятью годами тюрьмы?

Комаровский. Не за ошибки, а за преступления перед народом, это во-первых. А во-вторых, кому-то нужно бороться с такими, как вы, и перевоспитывать их. А для того, чтобы делать это хорошо впредь, нужно работать с вами и вам подобными уже сейчас.

Савинков. Работать... Опять работать... *(Подходит к окну.)* Хорошо на улице. Свежий воздух пьянит не хуже вина. *(Смотрит вниз.)* Вот только вид удручающий. Пять этажей зарешёченных окон. Вам самому этот пейзаж не надоел?

Комаровский. Как и всякому нормальному человеку... Позвольте вас спросить, Борис Викторович...

Савинков. К чему такая изысканная вежливость, гражданин следователь? Давайте проще, в рабочем порядке, так сказать: вопрос – ответ.

Комаровский. Не хорохорьтесь, не ёрничайте. Я ведь к вам со всем моим уважением. Зачем обижаться?

Савинков. Спрашивайте.

Комаровский. Что будете делать, когда отсидите оставшийся срок? Если, конечно, это не тайна.

Савинков. Девять лет в тюрьме ещё нужно прожить и выжить.

Комаровский. И всё же?..

Савинков. Буду писать воспоминания политзаключённого: описывать каждый тюремный завтрак, обед и ужин, каждую стену в камере, каждого соседа по нарам, даже если это будет обыкновенный усатый таракан... А впрочем... Уехать бы потом куда-нибудь в глухую деревню... Сидел бы целыми днями с удочкой на речке, ловил бы краснощёрок и размышлял о прошлом... Думал бы. Думал.

Комаровский. А ежели бы к вам вдруг бывшие друзья приехали и предложили вернуться к старому?

Савинков. К террору?

Комаровский. Да.

Савинков. Вы что, хотите мне предложить убийство конкретного человека уже сейчас?

Комаровский. Ну что вы? Я же не пророк, я не могу даже предположить, кого им нужно будет убрать с дороги через столько лет.

Савинков. А я могу.

Комаровский. Кого же?

Савинков. Самого великого, самого гениального и самого жестокого. Того, кто выживет в драке за освободившееся после Ленина кресло тирана.

Комаровский. Фамилию назвать не можете?

Савинков. Нет. Это сможет сделать только время.

Комаровский. Невесёлый прогноз.

Савинков. Но точный – вспомните французскую революцию.

Комаровский. Наши вожди сумели воспользоваться печальным опытом французской революции, и избежали мясорубки среди своих.

Савинков. Я думаю, что это не так. Ваш Ленин был фанатиком, но он верил в творческую силу народа, однако он мёртв. А ваш Троцкий... В нём живёт дух разрушения. Он вовсе не верил и не верит в успех революции, он убеждён, что и он сам, и все с ним обречены на гибель, однако он желал бы перед этим успеть зажечь такой пожар, который в конечном результате вынудил бы весь мир переустроиться по-новому. И, кажется, это ему удаётся.

Комаровский. Допустим, вы правы. Ну а во что верите лично вы?

Савинков. Я?.. Я думаю, что в конце концов восторжествует трезвая, с виду благоразумная, а по существу несравнимо более жестокая обыденщина – наподобие той, что царила до переворота. Ваш НЭП – тому подтверждение.

Комаровский. Неутешительный прогноз.

Савинков. Я не пророк, но это итог вашей авантюрной политики. Не имея реальной силы и финансов, вы сделали революцию на немецкие деньги в самый опасный момент войны России с Германией, и тем самым едва не погубили страну.

Комаровский. Но не погубили же! Я не думал, что вы будете повторять белогвардейские сплетни и бездоказательно обвинять нас в торговле родиной.

Савинков. Если бы я мог покопаться в архивах, я бы вам предоставил и документальные доказательства предательства.

Комаровский. В своё время, ещё задолго до переворота, от финской партии активного сопротивления пришло сообщение, что через них на русскую революцию поступили от американских миллионеров деньги в размере миллиона франков.

Причём американцы ставили условие, чтобы эти деньги, во-первых, пошли на вооружение народа, и во-вторых, были распределены между всеми революционными партиями. В том числе кое-что досталось и вашей партии.

Савинков. Я этих денег не видел.

Комаровский. Как и я немецких марок, английских фунтов и японских иен. Поэтому давайте не будем говорить о том, что мы не можем доказать.

Савинков. Печально сознавать, что значительную часть жизни был простым наёмником, продаваясь за мелочные эфемерные земные радости. Мои друзья юности умирали с верой в своё высокое предназначение, думая, что их жертва не напрасна, а я...

Савинков и Комаровский оказываются вместе у раскрытого окна.

Комаровский. Что-то вы сегодня в миноре, уважаемый Борис Викторович. Понимаю, завтра вас переводят в другую тюрьму, но не стоит так переживать. Люди везде одинаковы. Притрётесь, притерпитесь. Может, вам устроить поездку в автомобиле по Москве, чтобы вы встряхнулись, ожили, а?

Савинков. Спасибо, не надо. Я лучше... своим ходом. Скажите мне честно, почему вы, офицер военного времени, служите большевикам?

Комаровский. Потому что я не только офицер, но ещё и инженер, умеющий считать.

Савинков. При чём здесь это?

Комаровский. А при том, что я просчитал политическую ситуацию в стране и в мире, и понял, что Белая армия проиграет. Новая власть, советская власть, будет владычицей России лет сто, не меньше. Мне так долго не жить. Может, повезёт моим внукам, правнукам, но не мне. Стоит ли лишать себя жизни ради идеалов гибнущей армии? Вот так я и стал краскомом. И я это откровенно говорю вам, потому что мы с вами во многом коллеги.

Савинков. Какой же вы... мерзавец!

Комаровский. О нет! Я здоровый циник и прагматик, Борис Викторович. И таких среди нынешних большевиков «из бывших» много. Особенно из среды царских генштабистов и офицеров разведки. Они-то умели и умеют считать и делать политические прогнозы на будущее. Когда-нибудь наши дети смогут жить иначе. Когда-нибудь, но не сейчас. Присоединяйтесь к нам, господин Савинков. Компания у нас более чем интересная, плембеев среди нас нет.

Савинков. Этим-то вы меня и пугаете.

Комаровский. Не пугайтесь, это совсем не больно.

Савинков. Благодарю, но я не политическая проститутка. Дозвольте мне остаться на своих позициях со своими друзьями, со своим народом.

Комаровский. Ну что ж, каждый выбирает свою судьбу сам. Очень жаль... Сегодня утром вы подали на имя Феликса Эдмундовича прошение об освобождении.

Савинков. Уже пришёл ответ?

Комаровский. Нет, но... Не стоит надеяться на пересмотр приговора.

Савинков. Это ваше мнение, или же...

Комаровский. Или же.

Савинков. Спасибо за откровенность... Мне говорили, что мне верят, что я вскоре буду помилован, и что мне дадут возможность работать... М-да!.. Вы были всё это время интересным собеседником, господин штабс-капитан. Мне было полезно с вами общаться. И хотя наши с вами расчёты на политическое будущее России совпадают, пути у нас разные. Вы пришли на поле, засеянное не вами, и оно когда-нибудь отомстит вам, испоганившим его. Будьте осторожны, счетовод-политик!

Комаровский. Спасибо за предупреждение. Я буду осторожен. К сожалению, не могу пожелать того же вам.

Комаровский слегка толкает Савинкова, и тот, запнувшись о порожек, не удержавшись, падает за окно.

Савинков *(невольно вскрикивает)*. А-аа...

Слышится звук упавшего на землю тела.

Комаровский *(смотрит вниз)*. Пять этажей решёток – это пять этажей ада. Жаль, что вы не все их прошли, дорогой Борис Викторович. Очень жаль!.. Господи, спаси его душу грешную... *(Торопливо крестится, подходит к телефону, снимает трубку и нервно стучит по рычажку, но докладывает ровным спокойным голосом.)* Следовательно Комаровский... Ваше приказание выполнено: заключённый Савинков переведён в другую тюрьму... По собственному желанию. *(Кладёт трубку.)* Романтик хренов!

Конец

Сентябрь 2011 года.